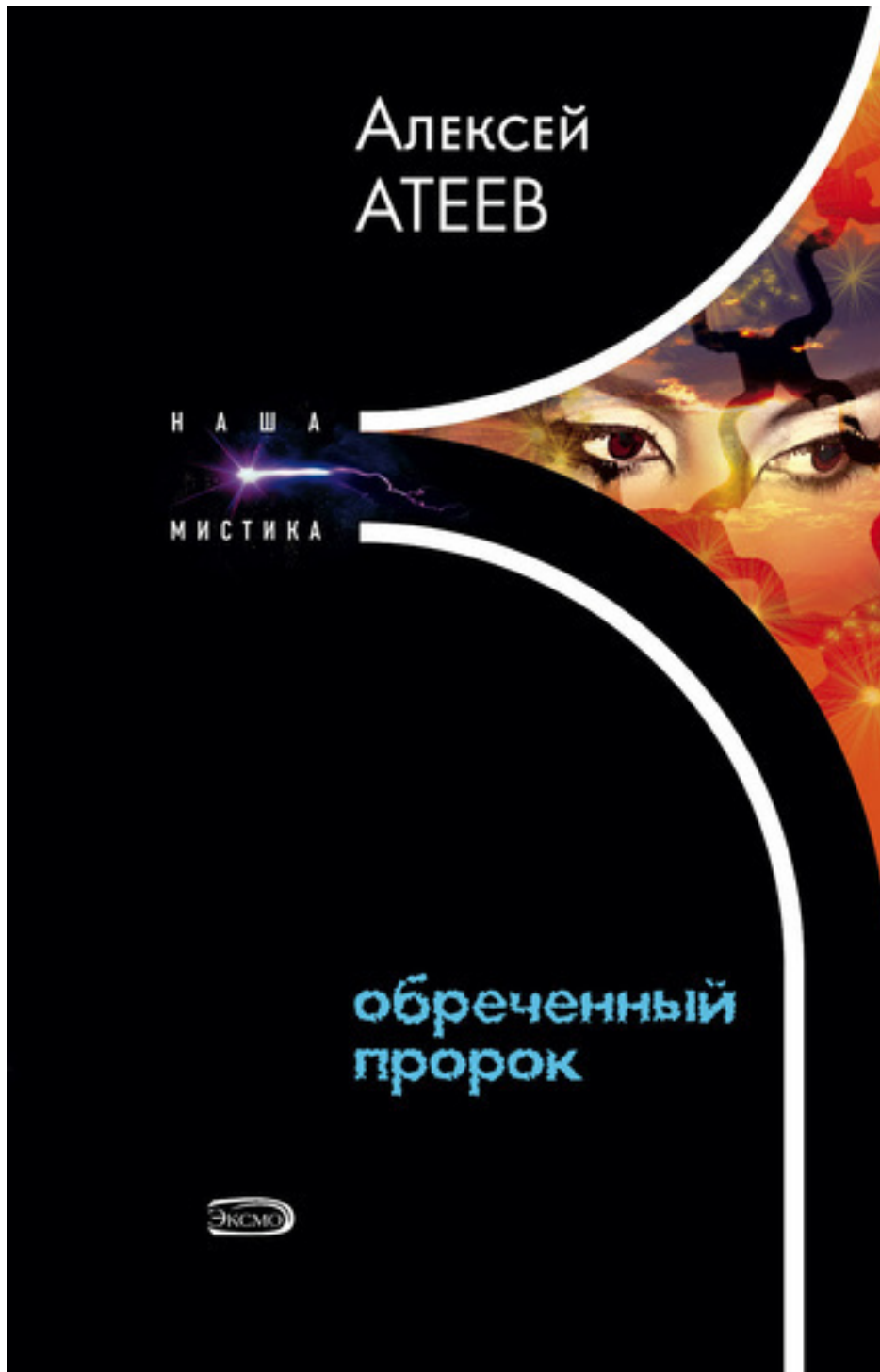

АЛЕКСЕЙ
АТЕЕВ

Н А Ш А

МИСТИКА

обреченный
пророк

Алексей Атеев
Обреченный пророк

«ЭКСМО»

2005

Атеев А. Г.

Обреченный пророк / А. Г. Атеев — «Эксмо», 2005

Два изуродованных трупа найдены в пустующем кафе. Даже выдавшие многое сотрудники милиции были потрясены чудовищной жестокостью убийцы. По городу тут же поползли слухи – в окрестностях орудует маньяк, способный на зверскую расправу. И уже есть подозреваемый – больной, бежавший из психиатрической больницы, устроенной в бывшем монастыре. Но историк из местной школы сильно в этом сомневается. Он-то уверен, что в городе действует секта сатанистов, а больной – прорицатель, которого власти упекли в психушку. И чтобы получить доказательства этого, надо заглянуть в глубины истории...

© Атеев А. Г., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Отступление первое:	10
Глава 2	13
Глава 3	24
Отступление второе:	32
Глава 4	36
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алексей Григорьевич Атеев

Обреченный пророк

Часть I

Глава 1

Этот день Тихореченск запомнил надолго. И годы спустя жители города нет-нет да и помянут те достопамятные события. Но начнем по порядку.

В августе темнеет быстро. Часов в десять городок уже окутала теплая летняя ночь. С реки подул освежающий ветерок. Жара сменилась относительной прохладой. В столь позднее время город обычно спит, но была суббота, а значит, выходной. К тому же лето кончалось, и жаль было терять ни с чем не сравнимое время. Поэтому, несмотря на темень (а освещение Тихореченска оставляло желать лучшего), улицы были полны народа.

Молодежь дефилировала у автовокзала. Переносные магнитофоны сладко пели или, наоборот, рычали. Люди постарше сидели на скамейках возле своих домов, перебивали косточки соседям или просто любовались августовским звездопадом.

Примерно в это же время по главной улице, избегая освещенных участков, крались две личности. При нормальном дневном освещении эти личности опознал бы любой тихореченец. Именно любой, поскольку в «таблице популярности» они шли после первого секретаря горкома партии Караваева и городского дурачка Ионьки.

Про Губана неизвестным автором были сложены даже стихи. (Они украшали одну из стен КПЗ местного горотдела милиции.)

Стихи были следующие:

Если ты носишь в кармане стакан —
Ты не мужчина, ты Витя Губан!

Характеристика, в общем-то, исчерпывающая. К ней стоит добавить, что, несмотря на свой высоченный рост и здоровые кулаки, Витя Губан был парень незлобивый, дрался редко и в самой агрессивной компании сохранял присутствие духа.

Вторым в этой подозрительной парочке был Комар: мужчина неопределенного возраста, маленький, сухой, жилистый и злой. В противоположность Губану он участвовал почти в любой разборке, происходившей в Тихореченске. Его визгливый, истеричный тенорок слышался везде, где пахло дракой. Комар бывал нередко бит, однако это никак не отражалось на его характере и привычках.

– Давай, детина, поторапливайся! – шипел Комар своему напарнику.

– Куда мы все-таки идем? – тоже шепотом, но в другой тональности спрашивал Витя.

– За мной, чудило, нас ждут миллионы!

И Витя покорно плелся следом.

Тут надо добавить, что последним из многочисленных мест работы Комара была Тихореченская психиатрическая лечебница, где он выполнял обязанности санитаря.

Наконец странная пара приблизилась к так называемому Дядьковскому дому. Строение это некогда принадлежало купеческому семейству Дядьковых. Затерялся след купцов, а название так и осталось. Солидный трехэтажный дом из красного кирпича был выстроен на века.

На первом этаже располагался единственный городской ресторан, на втором и третьем – многочисленные городские конторы и службы.

«В ресторан, что ли, ведет? – размышлял Губан. – Нет, не похоже, за Комаром такого не водится, к тому же там сегодня свадьбу играют. Начальник милиции дочь замуж выдает».

Витя прислушался к пьяному гомону, вырывавшемуся из распахнутых окон ресторана. Подгулявшие гости выясняли отношения на крыльце. Комар тоже приостановился и, толкнув в бок приятеля, заявил:

– Скоро мы тоже здесь гулять будем, да не день – неделю, месяц!..

«Он что, рехнулся? – подивился Губан. – Набрался заразы в своем дурдоме, вот и несет всякую бодягу». Но приятель уже тащил его дальше.

Они обошли фасад здания и оказались с его тыльной стороны.

В доме было три подъезда. Комар подошел к среднему и легонько подергал дверь. Она была заперта на висячий замок.

Только сейчас Губан заметил, что приятель сжимает в руке небольшой продолговатый предмет. Он присмотрелся и при тусклом свете подъездной лампочки обнаружил, что это монтировка.

«На кражу пошел!» – поразился Губан и шарахнулся в сторону. Но Комар цепко схватил кореша за рукав.

– Стой, придурок! – зашипел он.

– Под статью не пойду, – также шепотом отвечал Губан.

– Какая статья... все чисто, а сбежишь – прикончу как суку!

Витя немного подумал и остался.

Убедившись, что бунт подавлен, Комар зацепил монтировкой замок и резко дернул. С одного рывка петли выскочили из трухлявого дерева.

– Пойдем! – приказал взломщик своему нерешительному товарищу. Тот нехотя поплелся следом.

Узкая лестница вела наверх. Комар поднимался быстро и уверенно, достав из кармана пиджака фонарик и освещая таблички на многочисленных дверях.

«Запасливый, – с уважением подумал Губан, – классно работает».

Комар между тем остановился, вытащил из кармана какую-то бумажку и стал ее внимательно изучать, светя фонариком. Потом он сделал еще несколько шагов и высветил очередную табличку на двери.

«Городской статистический отдел», – прочитал Витя.

– Вроде здесь, – сказал Комар.

Он дернул дверь, но замок в ней был уже капитальный. Комар попытался подцепить ломиком створки – дверь не поддавалась. Несколько минут он безуспешно возился с замком, потом зло глянул на Витю, жмушгося к стенке.

– Чего стоишь, дылда, – рявкнул он, – помогай!

Губан как во сне взял из рук приятеля монтировку и навалился на дверь.

«Что я делаю?» – стучало в голове.

Витя уже решил бросить инструмент и дать деру, как вдруг раздался треск и дверь отворилась.

– Молодец, – похвалил приятеля Комар, – сила в тебе есть. Но главная работа впереди.

«Что он еще задумал, – недоумевал Губан, – и почему полез в «статистику»?» Но вопросов больше не задавал.

Луч фонарика скользнул по канцелярским столам, по бумагам и пишущим машинкам.

Губан присел на жесткий стул, следя за действиями товарища. А тот снова достал бумажку и продолжил ее изучение. Затем начал мерить комнату шагами.

– Хотя бы объяснил... – нерешительно начал Губан.

Но Комар только отмахнулся. Задумчиво встал посреди комнаты, светя под ноги. Потом топнул стоптанным башмаком по половице.

– Где-то здесь, – пробормотал он. – Нужно ломать пол.

– Ты что, одурел? – подал голос Губан.

Комар обернулся на голос и уставился на темную фигуру напарника. Некоторое время сохранялось молчание и слышно было, как внизу, в ресторане, играет музыка.

– Клад здесь, понимаешь, клад! – наконец произнес Комар.

– Клад?!

– Ну!

– А чей клад?

– Дядьковский! В этой комнате раньше кабинет Дядькова был, – пояснил Комар. – В гражданскую он здесь свое золото и спрятал.

– А ты откуда знаешь? – как заведенный повторил Губан.

– Вот заладил, придурок: «откуда знаешь, откуда знаешь»... От верблюда! Сегодня день самый подходящий: суббота, значит, завтра никто не хватится, к тому же вся «ментовка» внизу гуляет... Сигнализации тут нет, а ты, видно, решил, что я «статистику» решил ограбить, похитить, например, квартальный отчет о потреблении в Тихореченске алкогольных напитков, – хмыкнул Комар. – Ты, Виктор, парень надежный, – примирительно промолвил он, – и силенка в тебе есть, вот я и решил взять тебя на дело.

– А как делить будем? – заинтересованно спросил Губан.

– Поделим, не волнуйся! – опять рассердился Комар. – Не бойся, не обижу.

«Клад искать – это не грабить, не воровать, – успокоившись, размышлял про себя Губан, – это можно».

– Значит, говоришь, под полом? – Он взял у Комара монтировку и повертел ее в руках. – Жидковат инструмент, – неодобрительно промолвил он. – А ну-ка свети.

Пол в комнате был очень старый, но сделанный настолько добротнo, что щелей между половицами практически не наблюдалось. Губан попытался расковырять небольшую щель. Кое-как это удалось. Он попробовал подцепить половицу, но та не поддавалась.

– Не получается, – растерянно произнес он.

– Вижу, что не получается, – Комар задумчиво качнул головой. – Я припас тут поблизости кое-что.

Минут через пять Комар принес большой тяжелый лом. Губан навалился, половица затрещала и со скрежетом пошла вверх. Комар нетерпеливо осветил фонариком в образовавшуюся щель.

– Пусто, – придушенно произнес он, – давай следующую.

Работа закипела. Скоро комната статотдела была полностью разгромлена. Клагоискатели совсем забыли об осторожности. Они ворочали половицы, на заботясь о производимом шуме. Губан даже предложил включить свет, но его одернул более осторожный Комар.

Внезапно луч фонарика нащупал нечто необычное. В тусклом свете проступила какая-то запыленная позеленевшая плита.

– Золото! – хрипло вымолвил Губан.

Комар нагнулся и смахнул рукой с плиты грязь и мусор.

– Плита медная, – уверенно сообщил он. – Держат ее четыре гайки. Под ней, очевидно, находится клад. Как же быть с гайками? Ладно, Витек, сиди пока тут. Я сейчас...

На этот раз его не было дольше. И Губан уже начал беспокоиться. Но тут вернулся Комар. В руках он сжимал здоровенный газовый ключ.

– То, что нужно, – весело сказал он. – Ну, Витя, берись за дело.

Губан захватил гайку и попытался повернуть ее. Гайка не поддавалась. Он навалился на ключ всей своей массой.

– Пошла, – переводя дыхание, сообщил он.

Следом были отвинчены остальные. Приятели возились уже более двух часов. Губан глянул на часы.

– Слушай, Комар, уже почти двенадцать, а в ресторане все веселятся?

Комар прислушался к глухому шуму.

– Что ты хочешь, – сказал он, – милиция гуляет. Нам это только на руку. Давай, двигай плиту, и денешки наши. Тогда мы тоже до утра гулять будем.

Лом глухо звякнул о медь. Плита не двигалась. Губан перевел дух.

– Не идет, – сообщил он, – прикипела!

– Давай-давай, – торопил Комар, – эта шатия скоро разойдется. Ну-ка, я тоже помогу...

Плита скрипнула и шевельнулась. В последний рывок кладоискатели вложили все оставшиеся силы. Раздался грохот, и из-под сдвинувшейся плиты неожиданно блеснул свет.

Приятели нерешительно заглянули в дыру. Они увидели далеко внизу изумленные лица, смотрящие, казалось, на них. Плита неожиданно сама по себе повернулась, вновь раздался грохот, и следом снизу донесся многоголосый вопль ужаса.

– Труба! – выдавил Комар. – Витя, ноги!

И, схватив туго соображающего Губана за руку, поволок его из комнаты.

Не разбирая дороги, бежали приятели по пустынным ночным улицам. Наконец силы оставили их, они свалились прямо на траву под каким-то деревом.

– Что это было? – задыхаясь, спросил Губан. – Я ничего не понял!

– Не понял? – переспросил Комар. – Дохлое дело! Нам... – он произнес непечатное слово.

– А как же клад?

– Клад? Не клад, а нары будут нам завтра!

– Ты объясни толком! – взмолился Губан.

– Люстру эта плита держала! – заорал Комар. – Люстру в кабаке!!! Мы плиту сдвинули, люстра на ментов и свалилась.

– И что?

– А, ничего! Надо либо бежать из города, либо сдаваться.

– Но откуда ты взял про клад?

– Одна падла рассказала.

– И ты поверил?

– И ты бы на моем месте поверил... Ну ничего, я до него доберусь, – заскрипел зубами Комар.

На другой день в городе только и было разговоров о происшествии на свадьбе дочери начальника горотдела. Большинство видело в нем происки неизвестных террористов, замысливших одним ударом изничтожить всю городскую милицию. К счастью, обошлось без жертв. Громадная старинная люстра рухнула не сразу, что и спасло присутствующих. Вбежавшие на второй этаж подгулявшие слуги закона увидели полностью разгромленное помещение статотдела, брошенные орудия взлома и газовый ключ.

Первоначально у следствия господствовала та же версия, что у большинства горожан. Она гласила, что кто-то хотел отомстить милиции и лично ее главе. Однако при тщательном осмотре места преступления под одной из неоторванных половиц была обнаружена довольно большая шкатулка с драгоценностями. Добраться до шкатулки было чрезвычайно легко, если, конечно, знать, как это осуществить. Прямо под шкатулкой в половице очень аккуратно был сделан небольшой лючок с утопленным кольцом. Он и раньше-то был незаметен, а многолетний слой краски полностью скрыл его.

– Клад, значит, искали, – констатировал начальник милиции. – Интересно было бы посмотреть на этих кладоискателей.

Его желание очень скоро исполнилось. В понедельник утром Комар и Губан сами явились в милицию, посчитав, что это лучший выход. Жертв, как они знали, не было, и поэтому надеялись на снисхождение.

– Зачем же вы это сделали? – последовал вопрос.

Некоторое время злоумышленники молчали. Потом заговорил Комар:

– Клад хотели отыскать и сдать государству.

– Да, государству... – в унисон повторил Губан.

– Но почему бы просто не пойти и сообщить о его местонахождении? – спросил следователь.

– А кто бы поверил? – усмехнулся Комар. – Мы думали, вскроем пол, и все. Кто знал, что плита крепит эту проклятую люстру? А за ремонт мы бы, конечно, заплатили, возместили убытки.

– А откуда вы узнали о кладе?

Комар замялся, потом сказал:

– Слыхал от одного человека...

– От какого человека?

– Да какая разница, клада-то все равно нет.

– Ошибаетесь, – заявил следователь, – клад все-таки есть.

– Не может быть, – вскинулся Комар. – На пушку берете?

– Могу показать, – следователь открыл сейф и достал ларец.

Комар и Губан подались вперед. Щелкнула крышка, тускло засветились старинные украшения. У приятелей отвисли челюсти.

– Эх, – упавшим голосом произнес Губан, а Комар только скрипнул зубами.

– Вам чуть-чуть не повезло, – насмешливо продолжил следователь. – Не в том месте начали пол ломать. Правее бы взяли – сразу бы наткнулись. Конечно, обидно. – Он глянул на потупившихся приятелей. – И все-таки откуда у вас информация о сокровищах?

– В нашей семье рассказы об этом кладе передавались из поколения в поколение, – начал Комар.

– Так вы же не местный? – удивился следователь.

– Мало ли что – не местный, – смешался Комар, – бабушка моя... – и он начал нести какую-то ахинею о бабушке-купчихе, о каком-то завещании...

Правды от него добиться так и не удалось, а Губан вообще ничего не знал.

«Собственно говоря, какая разница, откуда они узнали о кладе, – размышлял следователь, – скорее всего кто-то где-то ляпнул».

На том он и успокоился.

Отступление первое: Иван Костромин

По заснеженному зимнему тракту не спеша катили широкие, запряженные караковой кобылой сани. Снег скрипел под полозьями, невысокое солнце только поднялось над горизонтом, и утренний полумрак еще скрывал подступающий к самой дороге лес.

На санях ехали трое: ямщик – заросший по самые глаза черной бородой здоровенный мужик, то и дело шмыгающий носом, рядом с ним молодой парень в стрелецкой шапке и полушубке и подьячий, он лежал на свежей соломе, с головой закутавшись волчьей полостью. С час назад сани отъехали от близлежащего яма и теперь тащились к следующему, до которого было верст тридцать.

Стрелец опасливо поглядывал на лесные заросли и не снимал ладони с лежащего рядом мушкета.

– А что, не балуют в ваших местах лихие люди? – осторожно спросил он ямщика.

Тот неопределенно мотнул головой.

– Бывает, – сказал он неохотно.

– Эх, служба, будь она неладна! – в сердцах сказал стрелец. – По эдаким трущобам и косточек можно не собрать!

– Бог милует, – перекрестился ямщик, следом сотворил крестное знамение и стрелец. Некоторое время ехали молча. Тишину нарушил ямщик.

– Слышь, – обратился он к своему попутчику, – куда это вас несет?

Тот некоторое время молчал, раздумывая, вступать в разговор или нет. Потом покосился на закутанную фигуру.

– К воеводе пустозерскому подьячий едет, а я при нем для охраны.

– В Пустозерск, значит, – протянул ямщик, – далеко...

– Не говори! – сплюнул стрелец. – Сидел бы я дома, рядом с мамкой, да видишь ты... – Он не договорил и угрюмо запахнул ворот полушубка.

– А за какой надобностью? – не отставал ямщик. Стрелец снова оглянулся на спящего подьячего и прошептал:

– По государеву велению.

– Понятно, – сказал ямщик. Это сообщение и опасливый тон стрельца его, казалось, не взволновали. Разговор прервался, но вскоре снова возобновился. Первым не выдержал служивый.

– По важному государеву делу едем, – уже нормальным тоном сообщил он. Ямщик молчал, ожидая продолжения.

– Подьячий-то бумагу важную везет, касаемо одного человека. Очень важную!

– Что за человек? – любопытствовал ямщик.

– Ивашка Костромин, не слыхал?

Ямщик отрицательно покачал головой.

– В Пустозерск сослан за волхвование и бесовские дела.

– Да ну? – удивился возница. – Неужели за колдовство?

– Точно, – подтвердил стрелец, – прелестные речи толковал, народ ими смущал. Вот его туда и спровадили.

– Но если он колдун, то почему его в живых оставили? – усомнился ямщик. – Царь-батюшка Алексей Михайлович страсть как не любит чародеев.

– Это верно, – важно согласился стрелец, – однако велика его милость, не стал изничтожать колдуна.

– Чем же знаменит этот Ивашка? – поинтересовался ямщик.

– Про то мне неведомо, – охотно продолжил стрелец, – но говорят, мог он пророчества вещать, и все, что он рек, сбывалось.

– Вон что! – протянул ямщик.

– Надо сказать, – продолжал стрелец, – много людей ему верило. Да не простых холопов, а и господ. С самим Никоном-патриархом близок был сей Ивашка. За одним с ним столом едал да пивал. А Никон-де, говорят, его братом величал.

– Но ведь патриарх-то в немилости у государя? – возразил ямщик. – В Ферапонтовом монастыре ныне, простой чернец.

– Верно, – откликнулся стрелец. – Никон-то его и укатал в Пустозерск.

– А ты говоришь – братом его величал, что-то нитка в иголку не лезет?..

– Дослушай вначале, – прервал стрелец. – Сей Ивашка Костромин правду рек, невзирая на чины, и Никону нарек, что осерчает на него государь; ну тот и спровадил его в Пустозерск.

– Теперь, стало быть, опала снята, – догадался ямщик, – коли патриарх сам в немилости, то быть твоему Ивашке на воле.

– Кто знает, – неопределенно проговорил стрелец и обернулся на завозившегося под полостью подьячего.

На свет выглянула всклоченная голова. Сонное лицо с жидкой бородкой заозиралось по сторонам. Подьячий громко, с хрустом зевнул, потом посмотрел на стрельца.

– Много ты, Петруха, болтаешь, – лениво сказал он. – Длинный язык до добра не доведет.

– Что вы, Евлампий Харитонович, – оробев, забормотал Петруха.

– Все я слышал, – строго промолвил подьячий, – ну да ладно... Дорога дальняя, а в дороге чего не наболтаешь. А Ивашку Костромина я знавал, – неожиданно продолжил он. – И был сей Ивашка не просто шатало подзаборное, а муж зело интересный.

Видя, что начальник не сердится, а сам не прочь продолжить разговор, стрелец с любопытством посмотрел на подьячего, ожидая продолжения. Насторожился и ямщик.

– Повстречал я его в приказе Тайных дел, где и теперь служу. Зашел как-то под вечер в приказную избу, народу уж почти не было. Тут меня приказной дьяк кличет: сбегай, мол, в кабак, возьми у целовальника склянку орленой.

Что ж, мое дело поклониться и «ноги в руки», без этого нельзя. Приношу. Садит он меня за стол, а за тем столом человек сидит. Одет просто, сразу и не поймешь, из каких он.

– Знакомся, – говорит дьяк. Тут я впервые и услышал имя – Иван Костромин.

Налил дьяк себе и ему и меня не забыл. И разговор продолжился, будто меня и нет. А рекли они об Украине, о Хмельницком, о поляках.

Понял я, что Костромин недавно оттуда прибыл. Я сижу, слушаю. А речи все прелестнее становятся. Заговорили о ворожбе, коя на Украине процветает, о том, что в Запорожье живет-де некий турчин. Сей турчин объявил, что грядет конец света, и многие ему верят. Сильно меня эти речи смутили, хотел я было встать да и уйти, но дьяк мне на плечо руку положил: сиди, мол. Тут я понял: не просто так меня за стол посадили, а для свидетельства.

Много о чем они еще толковали, обо всем не расскажешь, а в конце беседы Костромин впервые на меня взор бросил.

– Дай мне длань, Евлампий, – говорит.

Я сунул ладошку.

Подержал он ее чуток, а потом и говорит: через полгода ты, Евлаша, женишься на купеческой вдове, а еще через год родит она тебе двойню.

Я не знаю, что и сказать, смотреть мне на него дивно.

После мне дьяк говорит: «Все, о чем слышал, забудь, пока не напомним, а про будущее, что он тебе рек, мотай на ус, его слово – железное». Так по его словам и случилось: женился я на Домне Еремеевне, а после у меня двойня появилась – мальчонка и девка. Ивашка-то затем сильно в гору пошел, но вскорости и оступился.

– А в письме-то что? Которое вы везете в Пустозерск? – спросил ямщик.

– Сие мне неизвестно, – отозвался подьячий, – но думаю, тот, кому надо, снова о Костромине вспомнил.

Через неделю подьячий со стрельцом подкатили к дому воеводы в Пустозерске. Тот выбежал на крыльцо, в такой глуши каждому новому человеку рады. Провел он подьячего в горницу, взял у него письмо, сломал печать государеву, стал читать. И видел подьячий, как по мере чтения серело у него лицо.

– Знаешь ли ты, что в послании? – наконец спросил воевода.

Тот отрицательно покачал головой.

– Знаю только, что об Ивашке Костромине речь идет.

– Именно, – прошептал воевода. – Повелевает мне государь предать его лютой смерти, сжечь на костре за волхвование, а ты, подьячий, коли с ним знаком, должен убедиться, что царское повеление исполнено в точности, и о сем доложить.

Подьячий вытаращил на него глаза.

– Ты! – закричал воевода. – Именно ты!!!

Поздно ночью на окраине Пустозерска, в старой полуразвалившейся халупе теплилась лучина. За колченогим столом сидели Костромин и воевода. Разговор заканчивался.

– Одно могу сказать тебе, Иван Захарович, – говорил воевода, – смерти я твоей не желаю, беги!

– Куда же я зимой побегу? – тихо спросил Костромин. – Неизвестно мне сие.

– Беги в стойбище к самоедам, там перезимуешь, а уж весной...

– А ты? – Костромин искоса посмотрел на воеводу. – Ведь и сам не в милости, а коли узнают, что не исполнил царский приказ, не сносить тебе головы. Не зря они своего человека прислали, чтобы убедиться, что все исполнено.

Воевода понурился.

– Постой, – вскинулся Костромин, – а кого прислали?

Воевода назвал.

– Да ведь я его знаю!

– Ну и что? – хмуро спросил воевода.

– Я ему добро нагадал, может, и он мне добром оплатит?

– Крючок этот? Хотя попробовать можно. И все же, – сказал воевода, продолжая прерванный разговор, – не понимаю я, как можно знать, что будет с другими, и не знать ничего о себе.

– Сие и для меня тайна, – ответил Костромин, – плохо быть пророком, но, видно, на все воля божья. Не я выбирал себе такую судьбу, она выбрала меня. С древних времен преследует таких, как я, злой рок, но не переводятся провидцы. Глаголят правду на страх властителям, не ведая о часе своей гибели. Поскольку, коли ведали бы, то малодушие проявляли. И истинное предназначение свое на этом свете не исполняли.

Через пару дней на окраине городка пылал костер. Немногочисленные горожане наблюдали, как корчится в огне тело. Тут же стояли воевода и подьячий. Они молча смотрели на языки пламени.

– Ну вот и все, – сказал подьячий, когда на месте костра остались только чадающие уголья. Воевода криво усмехнулся и пошел прочь.

Глава 2

Тихореченск к началу восьмидесятых годов нынешнего столетия (а именно в эти времена происходили интересующие нас события) представлял собой, в общем-то, печальное зрелище. У человека, впервые побывавшего здесь, складывалось именно такое мнение. Подобных городков на Святой Руси многие сотни. Знали они когда-то лучшие дни, давали стране кроме всего прочего и личностей, которые составляли славу России. Но как-то пошли толки о «сонном царстве», о «глуповцах» и «пошехонцах». В обеих столицах охотно подхватили эти толки и всячески их приукрашивали. Столичному обывателю приятно было сознавать, что во всех этих Торжках, Калязинах, Чухломах живут почти круглые идиоты, а мысль, что именно этими городишками сильны Петербург и Москва, приходила в голову немногим.

Знаменитые выходцы из провинциальных городишек редко о них вспоминали. «Сонное царство» вошло во все учебники как место, где гибнут и любовь, и талант, и вообще все человеческое. Окончательный приговор вынес «великий пролетарский писатель», заклеивший провинцию в «Городке Окурове».

Обличение и высмеивание провинции дало уже в советское время причудливые результаты. В сознании народа глубоко укоренились слова песенки из телевизионного фильма «Приключения Буратино» о поле чудес...

– Это про нас, – поднимали палец вверх наиболее догадливые и радостно хохотали.

До революции славился Тихореченск своими ярмарками, хлебными ссыпками и богатыми купцами. Купцы не жалели для города денег. Построили гимназию и коммерческое училище, зажгли «лампочку Ильича», провели телефон. Жили сами и давали жить другим.

Конечно, не следует забывать, что они были классовые враги, толстопузые выжиги. И телефоны ставили не ветеранам русско-турецкой войны, а самим себе.

Но началась революция, затем гражданская война – и им все припомнили.

«Не накормив, врага не наживешь», – гласит старая пословица. Тут как раз выяснилось, что кормили плохо. И пустили купчишек на распыл. Кого в прямом смысле, а кто ударился в бега. Такого страху большевики напустили своими экспроприациями, контрибуциями и ЧК, что некоторые тихореченские купцы добежали аж до Австралии и только там дух перевели.

А что же Тихореченск? Наверное, облегченно вздохнули простые граждане, освободившись от мироедов?

К сожалению, нет. Следом за купечеством и часть обывателей разбежалась кто куда. Волны красных и белых накатывались на город не единожды. Летучие матросские отряды приезжали наводить порядок. И, надо отметить, наводили так лихо, что к 22-му году население города сократилось на две трети по сравнению с благословенным 1913-м.

Лет семь простоял город почти пустой. Даже нэп прошел стороной. Однако в конце двадцатых людей прибавилось. Началась коллективизация, следом индустриализация, и пустые городские дома, служившие прибежищем крыс, стали потихоньку наполняться.

В тридцатом году в Тихореченске началось строительство большого элеватора. Жизнь, казалось, закипела. Но спустя семь лет дома снова начали пустеть. Так и пошло с тех легендарных времен: то город наполняется, то пустеет.

В войну население его увеличилось почти вдвое. Сюда были эвакуированы с Украины два небольших заводика, разные мелкие предприятия и педагогический институт.

Пятидесятые, а затем шестидесятые годы ничего нового городку не принесли. Эвакуированные заводики превратились в «Сельхозтехнику», педагогический институт – в училище. Появился и ветеринарный техникум. Жизнь текла размеренно и спокойно.

Интересно, что многочисленные зигзаги истории страны практически не изменили города. Каким он был в конце девятнадцатого века, таким, в общем-то, и остался. Появилось,

конечно, несколько современных домов и даже вырос один девятиэтажный, называемый в народе «небоскребом», но старинные постройки в городе преобладали. Да и городское начальство предпочитало селиться в уютных особнячках, принадлежавших некогда купечеству.

Конечно, все пообветшало, без хозяйской руки подгнило и стерлось, но и сейчас резной деревянный наличник, причудливая кладка или хобот старинной водосточной трубы поражали свежий глаз. Город был живой кинодекорацией.

Казалось, нет здесь никаких тайн, все про всех известно, но было в городе одно учреждение, постоянно вызывающее пересуды жителей. Разговоры о нем были излюбленной темой горожан. Называлось это учреждение «Тихорецкая психиатрическая лечебница».

Ну что тут особенного? Почти в каждом городе есть подобное заведение, называющееся в просторечии психушкой или дурдомом. Однако тихорецкая лечебница не была простым дурдомом.

Когда-то здесь был монастырь, основанный все тем же Дядьковым. Правда, не тем, который спрятал клад, а его дедом. Монастырь был небольшой, но богатый. Шли сюда паломники из ближайших сел, шли горожане, не было тут чудотворных икон, но монастырь славился своими целителями.

Молитвы исцеляли или просто знание народной медицины, но монахи преуспели. Богатые вклады, далеко идущая слава – все это приумножало известность не только монастыря, но и города. Перед самой революцией побывал здесь знаменитый Бадмаев; хотя был он буддистом, но принят был настоятелем не просто как равный, а как первый среди них.

Монастырь процветал, богател, но помешал все тот же 1917 год. Монахов частью расстреляли, частью прогнали, обвинив в контрреволюции. Монастырь долгое время стоял пустым, ветшая и разрушаясь. Однако в середине двадцатых годов тут решено было организовать детскую колонию для беспризорных.

Своего Макаренко здесь не нашлось, заведующий и персонал прославились только воровством и диким обращением с воспитанниками. Среди наказаний было такое: воспитанники должны были сообща мочиться на провинившегося. Естественно, подобный способ перевоспитания не находил благодарного отклика в сердцах вчерашних беспризорников.

Посему в один прекрасный день директора зарезали, а колонию сожгли.

После этого закопченные стены на время обезлюдели. Но ненадолго. Вскорости здесь была организована тюрьма.

«Церкви и тюрьмы сровняем с землей мы», – пелось в революционной песне. Здесь то и другое было совмещено. В бывшем монастыре были крепкие стены, глубокие подвалы, и скоро по городу поползли слухи, что за этими стенами пребывают весьма известные личности. Шепотом называли фамилии.

Тюрьма довлела над городом. Попастъ сюда работать считалось очень престижным. Хороший паек, в годы войны бронь, да и вообще привилегированное положение надзирателей и охранников делали службу в тюрьме желанной, но почти недоступной. Редкий горожанин (да и то благодаря протекции) мог получить тут место.

Однако в 56-м году тюрьму закрыли, и опять бывший монастырь остался без хозяина.

Но, как говорится, свято место пусто не бывает. И в начале шестидесятых годов здесь была организована вышеупомянутая лечебница.

Жители Тихорецка первое время недоумевали, для какой цели в маленьком городке учредили столь экстравагантное лечебное заведение. На кого рассчитано? Население здесь не страдало психическими расстройствами. Единственный городской дурачок Ионька был любим и почитаем именно потому, что считался уникалом. Маломерок, почти карлик, неопределенного возраста, совершенно лысый, но с густой, черной бородой и невероятно кривыми ногами, развлекался обычно тем, что подкрадывался сзади к какой-нибудь ядреной девке или молодой и с воплем: «Я на тебе женюсь!» – пытался задрать ей юбку. Но так как, выслеживая очередную

жертву, он страшно сопел, то бабоньки обычно успевали принять превентивные меры: одной рукой крепко держали юбку, а другой несильно били Ионьку по лысине.

– Ой-ой, невеста дерется! – кричал дурачок и с плачем убежал.

Подобным нападениям подверглась добрая половина взрослого женского населения. На него никто не обижался – ни жертвы, ни их мужья и кавалеры. Наоборот, для дамы или девицы считалось даже лестным подобное обхождение.

Про некрасивую женщину, случилось, говорили: «На нее даже Ионька не смотрит».

Однажды, правда, случился конфуз. Секретаря горкома партии Аркадия Борисовича Караваяева только-только перевели в Тихореченск. До этого назначения он был директором крупного совхоза. Вместе с ним в город прибыла его жена – дородная вальяжная дама с замысловатой прической на голове. Прическа эта особенно поражала горожан. Она отдаленно напоминала потрясающие композиции в стиле рококо у кокетливых красавиц восемнадцатого века.

К Капитолине Александровне сразу же приклеилась кличка Первая Леди Ямайки. Кто придумал жене первого это нелепое, хотя и экзотическое прозвище, так и осталось неизвестным. Скорее всего какая-нибудь языкастая студентка ветеринарного техникума, но прилипла кличка накрепко.

Прошло несколько дней. К Первой Леди Ямайки стали уже привыкать, и тут она попала на глаза Ионьке.

Дело было в июле, стояла страшная жара, на улицах было пустынно, и только у центрального универмага, который располагался в бывших торговых рядах братьев Кукушкиных, толпился народ. Универмаг был закрыт на обед, и публика ждала открытия.

Капитолина совершала обход торгового дома, когда он был пуст, чтобы никто не мешал выбрать нужный товар. Царственная дама вышла через служебный вход, сопровождаемая семенящей за ней директрисой универмага. Поискала глазами горкомовскую «Волгу», но машина стояла на противоположной стороне площади, шофер отогнал ее в тень. Пришлось «идти в народ». Недовольно поджав губы, Первая Леди Ямайки шествовала сквозь расступившуюся толпу.

В этот момент ее и узрел Ионька.

Сначала он замер, как кот, увидевший беспечно чирикающую птичку. Видно было, что он потрясен. И не столько прической и цветастым платьем Капитолины, сколько ее задом. Эта часть тела вызывала восхищение не только у малахольного Ионьки. Но дурачка она, по видимому, ошеломила. Он доверчиво раскрыл мутные глаза и крадучись двинулся за дамой, не спуская взгляда с ее зада. При этом облизывался, а изо рта у него бежала струйка слюны.

Народ замер, предчувствуя недоброе. Все прекрасно знали, что последует дальше.

Дама походкой Клеопатры шла через площадь. Ионька подкрался вплотную, нагнулся и резким движением задрал подол платья Первой Леди.

Все ахнули. У присутствующих в толпе мужчин засверкали глаза. Женщины, которых у универмага было большинство, сначала стыдливо захихикали, потом захохотали во все горло. На жене Первого по случаю жары не было нижнего белья.

Ионька остолбенел, забыв даже произнести свою обычную фразу: «Я на тебе женюсь».

Первая Леди Ямайки резко повернулась, глаза ее готовы были вылезти из орбит. Рот беззвучно открывался и закрывался.

В следующий момент дама завизжала. Потом утверждали, что крик был слышен даже в самых отдаленных уголках города. Она бессмысленно всплескивала руками и голосила не переставая.

На крики прибежал перепуганный шофер. Он грубо оттолкнул обслонявленного Ионьку, умело поправил на даме подол и потащил ее к машине.

Дурак сидел в пыли, рыдал и размазывал слюны и слезы по грязному лицу.

Народ оживленно начал обсуждать увиденное. Все веселились. Примерно спустя час на площадь въехала «скорая помощь». Оттуда вышли два молодца, подхватили бедного Ионьку, который давно забыл о содеянном, и поволокли в машину.

Рассказы о происшедшем мгновенно облетели весь город. Они обросли весьма живописными подробностями. Говорили, например, что Ионька пытался изнасиловать Капитолину прямо посреди площади, полностью раздел ее, но был остановлен самим первым секретарем, пришедшим на помощь супруге.

Дурачка все жалели, считая, что больше его не увидят. Однако примерно через неделю он снова бродил по городским улицам и приставал к женщинам.

Первая Леди Ямайки несколько дней не показывалась, но вскоре появилась как ни в чем не бывало. Лицо ее стало еще более неприступно. Теперь даму повсюду сопровождал горьковский шофер. Однако, несмотря на происшедшее, а может быть, благодаря ему популярность Капитолины, особенно у мужской половины населения, значительно выросла.

Зачем такое многословное отступление от основной нити сюжета, скажет читатель. Возможно, он отчасти будет прав, однако эта сценка как нельзя лучше рисует нравы Тихореченска.

* * *

Вернемся все-таки к психиатрической лечебнице.

Психушка, как мы уже упоминали, возникла в бывшем монастыре в 1956 году. Вначале в старые стены приехали строители, причем не городские, и навели капитальный порядок.

Горожане первое время считали, что здесь снова будет тюрьма. Этим объяснялась некоторая таинственность, окружавшая реставрационные работы. Попытки городских мальчишек проникнуть туда строго пресекались. Вообще стройка тщательно охранялась. Но вскоре на загадочном объекте появились люди в белых халатах, и было объявлено, что в монастыре расположится больница. Долго не сообщали какая. И вдруг огорошили: дурдом!

Почти любое лечебное заведение пользуется в народе почтением. К этому же отношению двойственное. Страх и юмор переплелись в нем. Анекдоты о психах в достатке представлены в народном фольклоре, но есть в этой теме нечто мрачное, а смеяться над психическими больными может только сам недалеко ушедший от них человек.

Первое время больных в лечебнице было немного, всего несколько человек. Об этом поведал городу старичок парикмахер, которого приглашали стричь и брить психов. Кроме него, на территории лечебницы не побывал ни один горожанин. Весь медперсонал был приезжий, даже санитары, нянечки и технички.

Старичка требовали в бывший монастырь всего несколько раз, а потом перестали приглашать – видимо, обходились своими силами. Да он и не рвался – хотя ему неплохо платили, ходить туда он откровенно побаивался.

– Расскажи! – приставали знакомые. Но он отмалчивался.

Крепился парикмахер примерно месяц, потом, выпив чуть больше обычного, проговорился.

– Мне кажется, – поведал он собутыльникам свою догадку, – там лежат генералы...

– Какие генералы? – изумились приятели.

– Самые настоящие боевые генералы, но только свихнувшиеся. Люди весьма солидные, не какие-нибудь доходяги. И одеты чисто, некоторые даже в полувоенной одежде!

– Ну-ну! – подгоняли приятели.

– Я их стриг и брил, – пояснил парикмахер.

– Это понятно, давай дальше!

– Говорили они все больше о сражениях, там у них даже карты боевых действий висят, а главный у них Жуков!

– Какой Жуков? – вопрошали потрясенные приятели.

– Как какой?! Георгий Константинович.

– Неужели сам?!

– А кто его знает, может, и сам. Я когда его первый раз брил, так он сидел сначала смиренно, потом как заорет: «Воздух!!!» Прибор у меня из рук выбил, воду разлил и под кровать полез. Я, признаться, до смерти испугался, но тут в палату (а палаты у них одноместные) влетает здоровенный детина-санитар и кричит:

«Товарищ маршал, отбой воздушной тревоги!»

Он вылез – и как ни в чем не бывало командует мне:

«Рядовой, продолжайте бритье!»

– А ты? – изумлялись приятели.

– Я добрил.

– Вот ты говоришь, – спросил самый недоверчивый из слушателей, – что у них там карты висят, как же: в одноместной палате – и карты?

– Первый раз я их брил поодиночке, – объяснил любознательному слушателю парикмахер, – а потом в общей комнате, вроде они там обедают, под присмотром санитаров. Вот там карты и висят, и еще картины разные военные... Там и Сталин есть, – шепотом произнес рассказчик, оглянувшись по сторонам. Приятели вытаращили на него глаза.

– Я когда в общей комнате их брил, тот самый Жуков спрашивает другого генерала: «А что это сегодня Иосифа Виссарионовича не видно?»

«А он на Ближней даче», – отвечает тот, а санитары хохочут...

– Скажи, – спросил затесавшийся в компанию скептик, – а Берию ты там не встречал?

– Кого не видел, того не видел, – спокойно ответил парикмахер. – Мне кажется, – серьезно продолжал он, – это настоящие генералы. Конечно, не Жуковы и Рокоссовские, но тоже важные птицы. Ну, свихнулись они, бывает, так не класть же боевых заслуженных людей с разными там алкашами и параноиками. Вот для них и создали персональный дурдом!

Объяснение это было недалеко от истины.

Несмотря на уже упоминавшееся психическое здоровье жителей Тихореченска, случилось, и в нем люди сходили с ума. Но ни разу не было случая, чтобы их лечили в городской психиатричке, или попросту в Монастыре.

Кстати, пренебрежительные названия типа: дурдом, психушка, – употреблялись по отношению к лечебнице редко. С первых же дней существования ее стали называть Монастырем.

То, что местных больных в Монастыре не лечили, а отправляли в область, убедило тихореченцев в его спецназначении.

Город и Монастырь жили, почти не соприкасаясь и не очень интересуясь друг другом. Однако с годами в Монастыре происходили изменения, замечаемые даже горожанами. Во всяком случае, количество пациентов в нем значительно увеличилось. Больные прибывали в закрытых машинах, наподобие тюремных. И сама больница стала больше похожа на тюрьму, потому что была усилена система безопасности. Высокие стены Монастыря увенчала колючая проволока, через которую, по слухам, был пропущен электрический ток. Очень строго соблюдалась пропускная система.

Иногда горожане видели, как к воротам Монастыря подъезжали большие грузовики с непонятным оборудованием.

Но, несмотря на все строгости, из лечебницы несколько раз совершались побеги, о которых стоит рассказать особо.

Что касается генералов, то, видимо, причин для побегов у них не было. Поэтому случаев появления граждан в брюках с лампасами в Тихореченске не отмечено. Очевидно, генералы со временем вымерли, и в клинике появились другие пациенты.

Где-то в середине семидесятых годов город был взбудоражен необычным происшествием. В уже известном нам универмаге (бывшие торговые ряды братьев Кукушкиных) в один из хмурых мартовских дней случилась паника. Произошло все в тот момент, когда известная на весь район телятница Клава Малеева решила обновить свой гардероб. Приспичило ей прибахлиться, потому что в ближайшее время Клаву должны были снимать на областном телевидении, в передаче «Ударная вахта передовиков производства». По этому случаю Малеева отправилась в город.

Директриса универмага, предупрежденная начальством, приветливо встретила знатную телятницу и препроводила в свой кабинет. Отличный английский костюм чехословацкого производства уже был приготовлен. По мнению директрисы, это был верх элегантности.

Однако Клава, осмотрев обнову, осталась недовольна. То ли ее не удовлетворил фасон, то ли выиграла рабоче-крестьянская гордость, но только Клава категорически отказалась от костюма. Она застенчиво и гордо молчала, пугливо озираясь на собравшихся в кабинете директрисы продавцов и товароведов. Те в один голос нахваливали костюм.

Директриса уже жалела, что связалась с «колхозницей», но команда была дана, ее нужно было выполнять.

– Чем же вам, голубушка, не нравится этот фасон? – преувеличенно сладко спросила директриса.

Клава, отложив костюм, задумчиво глядела в окно на крыши Тихореченска, на расстилающиеся вдаль родные поля. Директриса внутренне чертыхнулась, но продолжала вести себя вежливо. Все некоторое время молчали. Наконец, Клава отвлеклась от пейзажа за окном и изрекла:

– Хочу, как у всех.

По рядам зрителей пошел шепот.

– Ну что ж, – холодно сказала директриса, – пройдемте в торговый зал.

Народу было немного, но директриса нервничала, опасаясь, что Клава будет выбирать обновку несколько часов. К ее удивлению, Малеева очень быстро сыскала подходящую для себя вещь – простенький костюмчик фабрики «Красный восход» – и удалилась в примерочную.

«Деревня! – мысленно изрекла директриса. – Что с такой взять?» Однако она должна была довести дело до конца. Поэтому решила дожидаться результатов примерки.

Клавы не было очень долго. Может быть, полчаса. Директриса очень утомилась бессмысленным ожиданием и хотела было уйти, но, обернувшись, увидела, что поодаль стоит «змея подколотная» (так она называла собственного заместителя) и внимательно наблюдает за происходящим.

«Доложит, – в сердцах подумала директриса, – непременно...»

Терпение изменило ей, и она решила поторопить Малееву. Директриса осторожно заглянула за портьеру и обомлела. Она стала свидетелем в высшей степени необычной сцены: полураздетая Клава сидела на корточках и гладила какое-то странное существо.

Директриса тихо ойкнула и отпрянула. Она обернулась назад, ища, как это ни удивительно, помощи у «змеи подколотной». Та с готовностью подбежала и, в свою очередь, заглянула в примерочную. Она не произнесла ни слова, но, отвлекшись от небывалого зрелища, с торжеством посмотрела на свою начальницу: мол, скандала теперь не оберешься.

Директриса и сама понимала, что скандала не избежать. Она вновь попыталась оценить диспозицию, но чуть не была сбита с ног Клавой Малеевой, которая, облачившись в новый костюм, вышла из примерочной.

– То, что надо, – изрекла передовичка, – как раз по мне. А забавная у вас обезьянка, – неожиданно сменила она тему, – чем, интересно, вы ее кормите?

Сообщение, что в примерочной засела живая обезьяна, повергло директрису в шок.

Через пять минут к примерочной сбежался не только весь персонал магазина, но и немногочисленные покупатели. Все с удивлением разглядывали экзотическое животное. Обезьяна, забившись в угол, тоже смотрела на толпу. В ее больших влажных человеческих глазах застыла смертная тоска. Потом она оскалила зубы и заверещала. Тут стоящие впереди увидели, как из ее глаз выкатились слезы.

Весть о том, что в универмаге объявилась обезьяна, мгновенно облетела город. Потекли толпы любопытных. Прибежали преподаватели и учащиеся ветеринарного техникума во главе с директором. Тот пробился сквозь толпу, приблизился к животному, несколько минут разглядывал его, а потом авторитетно заявил, что это «довольно распространенная обезьяна – макака-резус».

«Распространенная» обезьяна не делала попыток скрыться, а только вращала глазами и плакала.

Примерно через час после первого контакта обезьяны с Клавой Малеевой сквозь толпу любопытных пробились, грубо расталкивая зевак, два дюжих человека в белых халатах. При виде их обезьяна заверещала что было сил, но белые халаты подхватили животное, ни на кого не обращая внимания, направились к выходу, сели в «скорую помощь» и отбыли.

Люди долго обменивались мнениями о необычном происшествии. Все, в общем-то, правильно определили, что обезьяна сбежала из Монастыря.

Однако присутствие в Монастыре обезьян не состыковывалось с известной гипотезой, что там обитают помешанные генералы.

И все же проникательные умы Тихореченска нашли разгадку. После долгих размышлений они пришли к выводу, что связь между тропическими животными и высокопоставленными военными самая прямая. Возможно, эта гипотеза зародилась в недрах ветеринарного техникума.

– Известно, – рассуждали вольнодумцы, – что обезьяна одновременно очень сообразительное и неприхотливое животное. А не пересаживают ли отдельные обезьяньи органы престарелым генералам с целью их омоложения? С одной стороны, полоумные военные – отработанный материал, потеря тут невелика, с другой – есть вероятность поправить здоровье стратегам, к тому же в случае успеха этот опыт имел бы далеко идущие результаты.

Много споров вызвал вопрос, какие именно органы пересаживают. Некоторые договорились до того, что, возможно, пересаживают мозги, но их одернули.

Вторая история произошла при секретаре горкома Степане Капитоновиче Кренделе, который руководил городом без малого семнадцать лет и был сменен Караваевым.

Предшественник Караваева был до странности похож на Никиту Сергеевича Хрущева. Невысокий, толстенький, с лысым черепом и свинячьими глазками, Крендель поражал своим сходством с великим реформатором. Даже выражение лица, то лукавое, то свирепое, повторяло мимику Никиты. Только голоса у них были разные... Степан Капитонович, в отличие от своего двойника, говорил басом.

Первое время тихореченцы считали, что ими руководит опальный лидер.

– В ссылку сюда прислали, – рассуждали они и бесконечно гордились этим фактом. – Не к кому-нибудь, а к нам, – и группами собирались у горкома, чтобы хоть издали полюбоваться на опального владыку. Когда же пришло прозрение, горожане не особенно огорчились.

– Ну и что, – говорили они, – все равно он – вылитый Никита!

Степану Капитоновичу сходство с Хрущевым и льстило, и одновременно доставляло огорчения. Во времена правления Никиты Сергеевича оно приносило массу неприятностей. Вокруг этого курьеза природы ходило много толков.

Секретарь обкома, где в те времена Крендель работал инструктором, даже настоятельно посоветовал носить ему парик. Парик был изготовлен, и Степан Капитонович целый вечер провел перед зеркалом, поворачиваясь и так и эдак.

– А пошло оно все!.. – в конце концов возопил он и зашвырнул волосяной прибор куда-то за шкаф.

Наутро он заявился к секретарю по идеологии и заявил, что парик носить не будет.

Не помогли ни увещания, ни угрозы. Даже намек, что придется расстаться с партбилетом, не возымел действия.

– Что хотите делайте, а жопу сажей мазать себе не дам!!! – кричал строптивый двойник. И его сослали председателем, от греха подальше, в отдаленный колхоз.

Так задолго до падения Никиты Сергеевича Крендель стал как бы предвестником его судьбы. В этом сходстве жизненных коллизий необъяснимая загадка, с которой часто сталкиваются похожие друг на друга люди. Рок как бы играет с ними, проверяя на малом то, что он хочет сотворить с большим.

После низвержения великого кукурузовода о Кренделе вспомнили, правда, не сразу. Но в конце концов справедливость восторжествовала, и его назначили секретарем горкома партии в Тихореченск.

Опала великого двойника изрядно огорчила Кренделя. Не то чтобы он очень любил Хрущева, скорее – наоборот. Но тут гордость потомственного питерского пролетария, которая заставила его пренебречь карьерой, снова дала о себе знать. Вновь прозвучала известная фраза о задней части тела и саже, только теперь Крендель сказал не «себе», а «нам».

И стал Степан Капитонович великим поклонником свергнутого титана.

У себя дома он создал нечто вроде музея Хрущева. Вечерами листал старые подшивки «Огонька» и вырезал многочисленные фотографии своего кумира, которые наклеивал в специальные альбомы. Стену в спальне украсил огромным портретом Никиты Сергеевича, стоящего среди кукурузных полей. Он хотел было повесить портрет в центральной комнате, но взмолилась жена, которой до смерти не хотелось на старости лет снова отправляться в колхоз. Старшего внука он приказал назвать Никитой и здесь был неумолим.

Начальству стало известно о странном увлечении Кренделя. Но, зная строптивый нрав, на него махнули рукой.

Так и жил Крендель в Тихореченске как царек. Правил справедливо, но не без самодурства, проводил линию партии и собирал реликвии, посвященные незабвенному премьеру. Но вот однажды...

Однажды жарким сентябрьским днем Степан Капитонович пришел на работу несколько позже обычного. Не успел он войти в прохладную приемную, как секретарша сообщила, что звонили из обкома и вот-вот оттуда должен приехать какой-то не то инспектор, не то инструктор по фамилии вроде бы Шишкин.

– Очень плохо было слышно, – оправдываясь, сказала секретарша в ответ на раздраженный взгляд своего начальника.

– Знаем мы этих Шишкиных-Мышкиных! – недовольно бурчал Степан Капитонович. – Всякие хлюсты приедут и начнут учить уму-разуму...

Настроение Кренделя испортилось, общаться с обкомовским чинушей ему страшно не хотелось. Пока он сидел и размышлял, что бы предпринять, дверь распахнулась, и на пороге появился неизвестный.

– Что надо? – грубо спросил Степан Капитонович.

– Извините за вторжение, – сказал незнакомец, – я из обкома.

– Товарищ Шишкин? – пытаюсь изобразить любезность, спросил Крендель.

– Почему Шишкин? – изумился прибывший. – Моя фамилия Семиоков.

– Прошу прощения, – хмуро извинился Крендель. – Секретарша-дура не расслышала. Так вы, значит, к нам с проверкой?

Незнакомец молча кивнул и, не спрашивая разрешения, сел на один из стульев, стоявших в кабинете.

Крендель внимательно посмотрел на Семиокова. Перед ним был немолодой мужчина несколько странной наружности. Его солидное министерское лицо украшали внушительные баки и пышные усы. Насупленные глаза смотрели хмуро, но как-то отстраненно, точно он был внутренне чем-то озабочен. Проверяющий был немолод, что несколько удивило Кренделя – обычно в одиночку приезжали молодые, начинающие партработники. Но больше всего удивило Степана Капитоновича одеяние Семиокова. Несмотря на жаркую погоду, он был одет в теплое драповое пальто. Оно было распахнуто, виднелся не менее солидный костюм. Однако Крендель обратил внимание, что туфли проверяющего были надеты прямо на босу ногу.

– Вам не жарко? – спросил Крендель. – Раздевайтесь.

Семиоков чуть пошевелил головой, как бы соглашаясь, что надо раздеться, но остался сидеть неподвижно, рассматривая что-то над головой Кренделя.

«Куда это он смотрит? – подумал Степан Капитонович. – Неужели на портрет генсека?» Семиоков внятно хмыкнул, потом пристально взглянул на Степана Капитоновича. Глаза его неожиданно широко раскрылись. Суровое лицо расплылось в улыбке.

– Никита Сергеевич? – спросил он изумленно.

Крендель в первую минуту почувствовал насмешку, лицо его закаменело, но, взглядевшись в гостя, он понял, что тот не шутит.

Семиоков во все глаза рассматривал хозяина кабинета.

– Вы ошиблись, – мягко сказал Крендель.

Гость помрачнел и опустил голову.

– Да, я уже понял, – грустно сказал он. – Но сходство замечательное. Уж кому знать, как не мне.

– Вы встречались с товарищем Хрущевым? – осторожно спросил Крендель.

– Я был у него референтом, – последовал ответ. – Увы, превратности судьбы. После его смещения начали меня кидать по стране. Где только не побывал. Теперь вот здесь, – Семиоков посмотрел Кренделю прямо в глаза. – Так-то вот. Но все же какое поразительное сходство! Теперь я начинаю верить, что бывают на свете двойники.

Крендель млел от восторга – еще бы, человек, лично знакомый с опальным премьером, признал их сходство!

– А все-таки зачем вы к нам пожаловали? – осторожно начал он.

– С проверочкой, – посерьезнел Семиоков, – по письму.

– А что за письмо? – насторожился Крендель.

– Да не беспокойтесь, – снисходительно заявил Семиоков, – мелочь...

– Ну а все же?

– Да вот прислали тут в обком писульку, что у вас баня работает неудовлетворительно.

– Баня? – изумился Крендель.

– Да! – воскликнул Семиоков. – Дожил – бани посылают проверять! Но деваться некуда. Дело есть дело.

«Странно, – подумал Степан Капитонович, – никогда жалоб на баню не было...»

– Как же вы будете ее проверять? – задал он вопрос.

– Да очень просто – на месте. Сейчас туда и отправлюсь. Именно как учил нас Никита Сергеевич: не доверяй никому, сам посмотри, пощупай, попробуй на зуб.

– Ну-ну, – протянул Крендель.

– А вы со мной не пойдете? – спросил гость.

– К сожалению, не могу, – увернулся Крендель, – у меня давление. – Он вызвал шофера и вручил ему гостя, наказав отвести его в баню.

Некоторое время Крендель размышлял над словами гостя о превратностях судьбы, но мысли эти скоро были вытеснены текущими делами, и он забыл о Семиокове.

Часа через три прибежал возбужденный шофер и рассказал невероятную историю.

– Этот самый Семиоков, – говорил он, захлебываясь, – такое отколол... Пришли мы, значит, с ним в баню. Ну, сначала в кабинет директора. Тот как услышал, что проверяющий из обкома, побледнел как полотно, губы трясутся, а Семиоков ну его распекать: парная, говорит, у вас плохая, пар отсутствует. В душевых отделениях грязно...

Директор руками машет, не соглашается.

«Я сам проверю», – говорит Семиоков.

Зашли мы в мужское отделение, Семиоков преспокойно разделся и пошел мыться. Я, конечно, удивился, но мало ли, думаю, проверяющий есть проверяющий. Он преспокойно помылся, выходит и говорит: «Неплохо, мол, все поставлено. Видимо, кто-то желает вас оклеветать», – это он директору.

Тот повеселел, головой кивает. Семиоков стоит в предбаннике и рассуждает, что баня – одно из любимейших развлечений русского народа, отрада и отдохновение и поэтому всегда должна содержаться в порядке. Директор довольный стоит и ему в рот смотрит. Странно только, что Семиоков одеваться не спешит.

Так он говорил минут десять, потом неожиданно заявляет:

«В письме это еще сказано, что в женском отделении тоже не все ладно, неплохо бы проверить».

Директор заявляет, что это, мол, очередная клевета и что у женщин все в порядке, даже лучше, чем здесь.

«Вот я и проверю, проводите меня туда».

Директор глаза вытаращил и спрашивает:

«Что же, прямо так, в натуральном виде и пойдете?»

«А что, – заявляет Семиоков, – прямо так и пойду!»

«Да вы бы хоть прикрылись, ведь кипятком ошпарят».

«Это лишнее», – отвечает Семиоков.

Мы так и обалдели.

Директор переминается с ноги на ногу, не знает, что и сказать.

«Ведите меня», – приказывает проверяющий.

Директору куда деваться – шагнул он к двери, но потом повернулся к Семиокову и взмолился:

«Вы хоть прикройтесь!»

«Что же, – говорит Семиоков, – чресла, пожалуй, задрапирую», – обвязался полотенцем и пошел, директор за ним, ну и я тоже, – смущенно опустил глаза, сказал шофер.

– Народу в женском отделении было немного, – продолжал шофер. – На нас сначала не обратили внимания, но Семиоков сам привлек его.

«Здравствуйте, товарищи! – громко воскликнул он. – Рад приветствовать вас!»

Что тут началось: визг, крики, бабы голые мечутся, кто тазиком прикрывается, кто этим же тазиком ударить норовит, словом, ад. Директор со страху выскочил прочь, я за ним. Из-за двери вопли несутся, потом заорал Семиоков. Выбежал он оттуда совершенно голый и красный, как рак, – его все-таки ошпарили.

Подпрыгивает на месте, директор его за собой тащит, а сам незаметно пальцем у виска крутит, показывает мне: мол, не псих ли?

Утащили мы Семиокова в кабинет, усадили на диван, притащил я его тряпки, потом приехала машина, и увезли нашего проверяющего сами понимаете куда... Никакой это не Семиоков оказался, а сумасшедший, сбежавший из нашего Монастыря!

Выслушав подробное повествование, Крендель был несколько обескуражен. Однако не подал вида и только поинтересовался у шофера, понравились ли ему женщины в бане.

– Старухи одни, – односложно ответил тот.

– Ну что ж, и на старуху бывает проруха, – невпопад, как показалось шоферу, высказался Крендель.

Несколько описанных выше инцидентов, связанных с Монастырем, должно быть, настроили читателя на юмористический лад, однако дальнейшие события, о которых пойдет речь, никак не назовешь веселыми.

Глава 3

Урок истории в шестом классе тихореченской средней школы № 2 подходил к концу. Преподаватель – Олег Павлович Тузов – бубнил что-то о распаде рабовладельческого общества и зарождении новой социально-экономической формации – феодализма.

На дворе стоял сентябрь, окна в классе были распахнуты, в них врывались волны горячего воздуха с улицы, а вместе с ними щебет птиц, приглушенный гомон человеческих голов. Головы детей то и дело поворачивались к окнам. Чувствовалось, что период становления феодализма занимал их не очень.

Ведя урок почти машинально, Олег Павлович между тем размышлял о своей нелегкой судьбе. Еще три месяца назад никто не величал его по имени-отчеству, называли просто Олегом или Тузом. Не было никаких уроков, классного руководства, а была студенческая скамья и радости студенческого бытия.

«Все хорошее когда-нибудь кончается», – с грустью думал Олег, глядя на лица учеников, которые, видимо, тоже не отошли от недавних каникул.

Приехав после распределения в Тихореченск, Олег сразу же решил, что очутился в страшной дыре. Правда, в самом начале город ему даже понравился. Олег, учась в университете, интересовался историей не только по долгу учебы. И теперь, попав чуть ли не в девятнадцатый век (во всяком случае, так ему казалось), ходил по улицам Тихореченска, широко раскрыв глаза. Однако так продолжалось один или два дня. За это время, обойдя весь городок, побывав в местном музее, в церкви и в единственном пивбаре, он понял, что жестоко обманулся. Истории, конечно, здесь хватает. Но и только...

Конечно, музей был довольно интересный. Церковь хотя и обветшала, но радовала глаз старинным иконостасом и чудесными росписями, а пиво местного пивзавода в пивбаре было на редкость свежим и вкусным. Но на этом все достопримечательности Тихореченска кончались. Так, во всяком случае, решил молодой специалист.

«Ведь я не на денек приехал, – тоскливо размышлял Олег, – три года тут кантоваться, три года!»

Появление нового преподавателя было встречено в школе без особого восторга. Директор, которого звали не то Иван Евстифеевич, не то Иван Ермолаевич (Олег так и не освоил мудреное отчество), испытующе посмотрел на молодого специалиста и заявил, что работать придется много и пусть товарищ Тузов не обольщается, что ему будут созданы особые условия. Ни на какие особые условия Олег, конечно, не рассчитывал, однако такое напутствие обидело.

Небольшой педагогический коллектив, в котором преобладали женщины предпенсионного возраста, встретил его тоже без ликования.

– Еще один гастролер приехал, – услышал он за спиной и снова обиделся.

Тем не менее Олег активно включился в работу по приведению школы в порядок к началу учебного года. Он не был белоручкой, работал на совесть и несколько раз ловил на себе одобрительные взгляды директора и учителей.

Само здание постройки тридцатых годов, обветшалое и неуклюжее, тоже не понравилось молодому учителю. Всего в городе было две школы. Школа № 1 помещалась в старинном красивом особняке, сложенном из красного кирпича. Стояла она на горке и радовала глаз. «И тут не повезло», – с горечью думал Олег.

Поселился он по рекомендации директора в небольшом домике неподалеку от школы – у одинокой старушки, которая почему-то была несказанно рада его появлению.

Особенно тоскливо было вечерами. Раза два он ходил в кино на какие-то индийские фильмы и оба раза не досидел до конца. Как-то пошел на танцы, прочитав объявление на заборе.

Танцы проходили в городском парке культуры – огромном, запущенном, похожем больше на лес.

Здесь на небольшом пятачке гремела дискотека. Народу было довольно много, но все держались группами, и создавалось впечатление, что молодежь пришла не танцевать, а выполнять какой-то странный ритуал, заключавшийся отнюдь не в танцах. Все, особенно девушки, которых присутствовало значительно больше, чем парней, стояли с отрешенными равнодушными лицами и, казалось, вовсе не собирались веселиться. Танцевало всего несколько пар. Тут же шатались бойкие, явно подвыпившие молодчики, один из которых, проходя мимо, грубо толкнул Олега плечом.

Когда Олег попытался пригласить девушку, то та, взглянув на него с величайшим изумлением и каким-то даже испугом, отпрянула вглубь за спины подруг.

– Новый учитель, – зашелестело в толпе.

Олег, не привыкший, что ему отказывают в приглашении, стоял как оплеванный.

Своим поступком он обратил на себя всеобщее внимание. Подвыпившие молодчики кругами заходили вокруг него, однако этим дело и кончилось.

Больше Олег на танцы не ходил. Вечерами он смотрел маленький переносной черно-белый телевизор, привезенный с собой, или читал. Еще в первый день он забрел в городскую библиотеку и был поражен ее богатством. Посетителей здесь было немного, и молодая невзрачная библиотекарша отнеслась к Олегу с видимым интересом. Узнав, что перед ней преподаватель истории, окончивший университет, она и вовсе растаяла. Олег получил доступ в хранилище, где нашел такие издания, о которых знал лишь понаслышке. Книги помогали коротать время, а потом начался учебный год, стало повеселее. И все же Олег сильно тосковал по родному городу, по родителям и младшей сестре и почти каждый выходной ездил домой.

Итак, как мы уже говорили, урок, который он вел, подходил к концу. Вдруг шум, который доносился из-за распахнутых окон, усилился. Олег глянул в окно и увидел, что двор перед школой стал заполняться детьми. Они опрометью выскакивали из школьных дверей. Тут же стоял милицейский «газик».

Не успел удивленный Олег отвернуться от окна, как дверь класса распахнулась и вбежал покрасневший директор.

– Сейчас же всем покинуть класс! – закричал он с порога.

– В чем дело? – недоуменно спросил Олег.

– Скорей, скорей! – не отвечая на вопрос, заторопил директор.

Дети с криками схватили сумки и рванулись из класса. Олег поспешил за ними. Во дворе столпилась вся школа. Ребята возбужденно переговаривались и смотрели то на школу, то на нескольких милиционеров, стоящих у «газика».

– Вроде все, – обращаясь к майору милиции, растерянно сказал директор.

– Необходимо проверить еще раз, – заметил майор.

Директор с готовностью рванулся к школе.

– Постойте, я с вами, – остановил его майор.

– Поспешите, – сказал стоящий среди милиционеров человек в штатском, – осталось минут пятнадцать-двадцать.

– Что все-таки происходит? – спросил Олег у учительницы литературы.

Та недоуменно пожала плечами:

– Сама не знаю, говорят, что школа должна рухнуть.

– Как рухнуть? – опешил Олег. – Почему именно сегодня?

Но литераторша ничего вразумительного ответить не смогла.

Олег отошел к своему классу. Ребята возбужденно переговаривались и с любопытством смотрели на здание школы.

– Сейчас развалится! – перешептывались они.

Подъехала черная «Волга», и из нее вылез осанистый человек, как решил Олег, какой-то местный чин.

Человек в штатском подошел к нему и что-то зашептал, тот молча кивал головой.

В этот момент из пустой школы выскочили директор и майор. Они подошли к вновь прибывшему.

– Школа пуста, Аркадий Борисович, – громко отрапортовал директор.

– Осталось пять минут, – сказал милицейский майор, посмотрев на часы.

Все замолчали и стали смотреть на здание школы. Притихли и дети. Тревожная тишина повисла над школьным двором.

Прошло пять минут, потом десять, пятнадцать... Дети насмешливо загалдели. Кто-то свистнул.

– Что же это? – громко спросил осанистый мужчина. – Неужели обман?! Да можно ли верить какому-то слабоумному?!

– Обмана быть не должно, – твердо сказал мужчина в штатском, но и в его голосе прозвучало заметное сомнение.

В эту минуту раздался треск. Сначала слабый, потом громкий и грозный. Здание зашаталось. Казалось, некто огромный раскачивает его изнутри.

– Все назад!!! – закричал майор, но дети и без команды рванулись прочь. Вместе со всеми бросился бежать и Олег.

Отбежав подальше, он обернулся. Крыша школы покосилась. Потом и все здание странно завалилось на бок и наконец рухнуло, подняв столб пыли.

В один голос завывли дети. У директора из глаз брызнули слезы. Заплакали и некоторые учителя.

– Что и требовалось доказать, – громко произнес мужчина в штатском и двинулся к «газику», следом направился к «Волге» и Аркадий Борисович.

Олег подошел к директору, одиноко стоящему в стороне от всех.

– Что все-таки случилось и где мы будем заниматься? – спросил он.

Директор невидяще посмотрел на молодого учителя, потом махнул рукой и, не говоря ни слова, пошел прочь.

А случилось вот что.

Утром этого же дня к секретарю горкома Аркадию Борисовичу Караваеву явился местный уполномоченный КГБ Разумовский, тот самый мужчина в штатском. Он сообщил Караваеву, что сегодня, примерно в 11.45, в городе случится крупная неприятность – рухнет здание школы № 2, и, если сейчас не принять меры, могут быть значительные жертвы.

– Неужели диверсия? – спросил похолодевший Караваев.

– Бог миловал, – последовал ответ, – просто школа уже не один год находится в аварийном состоянии, капитальный ремонт много лет не производился, и вот результат.

– Но позвольте, – удивился секретарь горкома, – то, что школа находится в аварийном состоянии, не секрет, но откуда вы знаете, что она рухнет именно сегодня, и именно в 11.45, а, скажем, не в два часа или в полночь?

– Да уж знаю, – уклончиво ответил Разумовский.

– Это не разговор! – резонно заметил Аркадий Борисович. – Я, конечно, понимаю, что в вашем ведомстве много тайн, но ведь тут какая-то мистика.

– Может быть, и мистика, – охотно согласился Разумовский.

– А если мы примем меры, а ничего не произойдет?

– Береженого бог бережет.

Караваев про себя отметил, что кагэбэшник уже второй раз за время беседы вспомнил о боге.

«Странно, – подумал он, – бог, мистика... очень странно!»

– Вот вы все уповаете на Бога, – продолжил он, – а я, знаете ли, материалист, ни в какую мистику не верю, а в том, что в случае конфуза информация дойдет до обкома да и до вашего начальства, не сомневаюсь.

– Всяко может быть, – спокойно ответил Разумовский, – но в том случае, если пострадают дети, я думаю, неприятностей будет куда как больше.

Довод подействовал. Караваев задумался, потом снял трубку.

– Куда вы собираетесь звонить? – спросил Разумовский.

– В горотдел милиции.

– Они уже извещены и принимают меры.

– Но в таком случае... – Караваев, не скрывая раздражения, посмотрел на Разумовского, – для чего вы мне все это рассказали?

– Вы первое лицо в городе, – спокойно ответил тот, – и я обязан доложить.

Караваев решил сменить тон. Его очень интересовало, откуда все же поступила информация.

– Значит, это все же не диверсия? – заговорщическим голосом начал он.

– Не диверсия, – раздраженно ответил кагэбэшник, – я же сказал, ремонт надо было вовремя сделать.

Караваев всерьез обиделся, лицо у него вытянулось и закаменело.

Разумовский искоса посмотрел на него и решил не портить с первым отношений.

– Вы, конечно, знаете о Монастыре? – спросил он.

Караваев холодно кивнул. Ему почему-то вспомнился недавний инцидент с женой, и он еще более разозлился.

– Так вот, – продолжал Разумовский, – там лечится один человек, он и сообщил.

– Вы что же, меня за дурака считаете, – вскипел Караваев, – откуда психический больной может знать, что произойдет в городе?

Уполномоченный в упор посмотрел на Караваева. Во взгляде его читалось плохо скрытое презрение.

«Не велика фигура, – подумал про себя Разумовский, – видали мы орлов и похлеще». Он тоже вспомнил про Первую Леди Ямайки и усмехнулся.

Караваев хорошо понял значение этого взгляда. Ссориться с органами он не хотел. Поэтому продолжил в другой тональности.

– Все-таки я не вник... – несколько даже льстиво продолжил он.

Разумовский почувствовал, что одержал маленькую победу, потому смягчился.

– Вы человек у нас новый, поэтому не знаете, что Монастырь – не простая психиатрическая лечебница. Подобных заведений в стране всего несколько.

Караваев насторожился, решив не обижаться на «нового человека».

– Пациенты там не совсем обычные, – продолжил Разумовский.

– Диссиденты, что ли? – испросил Караваев, решив продемонстрировать свою осведомленность.

– Есть и такие, – последовал ответ, – но тот, что дал информацию, не диссидент. Тут все значительно сложнее. Дело в том, что человек, о котором идет речь, может предсказывать будущее.

Караваев усмехнулся.

– Уверяю вас, это правда. Его прогнозы обычно сбываются.

– Он что, ученый, экономист какой-нибудь?

– Да нет, вовсе не ученый. Тут скорей информация из области подсознательного.

– Колдун? – усмехнулся Караваев.

Разумовский неопределенно пожал плечами.

– Не могу ответить с определенностью, но знаю, что этот человек был вхож «на самый верх», однако некоторые его предсказания оказались, так сказать, «не к месту». Поэтому он здесь.

– Интересно посмотреть на этого пророка, – задумчиво промолвил Караваев.

– Вряд ли это удастся.

– То есть, – опешил Караваев, – мне не удастся?!

– Дело в том, – последовал ответ, – что главврач нашего Монастыря подчинен непосредственно... – тут кагэбэшник замолчал, что-то обдумывая. – Трудно сказать, кому он подчинен, – наконец закончил он фразу.

– Все это звучит чересчур уж загадочно, – с сомнением сказал Караваев. – Но про школу сообщил этот провидец?

– Да, – ответил Разумовский, – нам еще вчера позвонил главврач из Монастыря и сказал, что человек, которого вы называете провидцем, предсказал в городе катастрофу и просил нас принять меры.

– Да! – недоверчиво сказал Караваев. – Прямо фантазмагория какая-то. Хотя, конечно, очень хорошо, что такой человек существует и что он помог предотвратить беду.

Разумовский кивнул головой, соглашаясь с мнением секретаря.

* * *

Прошло два дня с того момента, как развалилось здание школы. Директор бегал по городским учреждениям, где подыскивали новое помещение, «согласовывал и утрясал» – как он выражался. Ученики были рады неожиданному продолжению каникул, и в коллективе учителей, которые по утрам собирались возле развалин, тоже не чувствовалось печали. Приказ собираться по утрам отдал все тот же директор.

– А то будут говорить, что мы прогуливаем, – объяснил он свое решение.

Олег не сразу понял причину скрытого ликования среди своих коллег. Казалось, не радоваться надо, а печалиться. Открыто, конечно, никто не выражал восторгов. Все грустно кивали головами, в очередной раз переживая катастрофу, но веселый блеск глаз, затаенные улыбочки на лицах этих обремененных семьями, огородами и скотиной женщин (почти все они жили в своих домах) выдавали их настроение.

Но скоро Олегу стала ясна причина радости. Вместе с рухнувшим строением рухнула в их представлении и та рутинная, которую они с ним связывали. Прогнившее здание старой, построенной в тридцатые годы школы годами, десятилетиями определяло их жизнь, и теперь эти женщины ждали перемен, возможно, впервые со времен молодости.

С утра побывав у развалин, Олег весь день был предоставлен самому себе. От нечего делать он бродил по городским окрестностям.

Жара спала, и отчетливо чувствовалось присутствие осени. Стояли ясные прохладные дни. Нити паутины серебрились на ветвях пожелтевших деревьев и кустов. Сильно пахло яблоками, которых в тот год уродилось невиданное количество.

Прозрачная сентябрьская свежесть вносила в душу Олега какое-то печальное успокоение. Растерянность и недовольство своим нынешним положением, так остро ощутимые в первые дни, притупились.

Бродя за городом, он наткнулся на небольшой, густо заросший кустарником овраг, по дну которого протекал ручей. Здесь было тепло и тихо, порывы холодного ветра не проникали сюда. Олег лежал на подстеленной куртке и смотрел на воду, по которой медленно плыли опавшие листья.

Он откинулся навзничь и перевел взгляд вверх, в бездонную синеву. В ней чертил круги ястреб, высматривая в жнивье мышей-полевков.

Рассеянно следя за полетом птицы, Олег между тем мысленно возвращался к событиям недавних дней. В том, что школа рухнула, не было ничего удивительного: развалюха доживала свой век. Но как стал известен не только день, но и час катастрофы? И, несомненно, узнали об этом лишь в последнюю минуту.

Он попытался вспомнить слова представительного мужчины возле школы в день катастрофы. В этих словах была скрыта если не разгадка, то какой-то намек на нее.

Олег приподнялся на локте и снова перевел взгляд на текущую воду.

Как же все было? Он сам вместе с ребяташками смотрел на пустую школу. Представительный мужчина находился метрах в пяти. Рядом с ним стоял какой-то незаметный человек.

Так-так... И тут осанистый произнес непонятную фразу... Что-то о сумасшедшем или вроде того...

Да, он сказал: «Можно ли верить какому-то слабоумному?..» Громко сказал, с раздражением, интересно, что за слабоумный? И откуда он знал, что школа рухнет именно в этот час? А если спросить у того осанистого? Кстати, кто он такой? Ну это узнать просто. А вот спросить вряд ли удастся. Наверняка он с Олегом и разговаривать не станет. И все-таки как интересно.

Примерно через час Олег подошел к дому литераторши Тамары Васильевны, с которой успел немного сблизиться. Та копалась во дворе, но молодого человека встретила с радостью.

– А, Олег Павлович, – приветствовала она его, – проходите в дом, сейчас чаем напою. – Олег нерешительно топтался у порога. – Проходите, проходите, – настаивала хозяйка. – Скучно небось без дела. Я вот тоже... Хоть работы по хозяйству вдоволь, а места себе не нахожу. Не могу без школы... Но знаете... – начала она и запнулась. Потом посмотрела Олегу в глаза и тихо произнесла: – Наверное, нельзя так говорить, но я рада, что этот древний барак рухнул. Хорошо, что не нам на головы. А занятия со дня на день возобновятся. Слышала я, выделяют нам здание.

Олег вошел в дом следом за хозяйкой. Он сел на старенький диван и смущенно смотрел, как пожилая женщина хлопочет, накрывая на стол. «Неудобно, – вертелось в голове, – пришел, от дел отвлек».

На столе между тем появилось вишневое варенье, пирожки, чайник с заваркой.

– Ну зачем вы, Тамара Васильевна, – с тоской сказал он, – к чему все это?

– И не возражайте! – неожиданно властно ответила литераторша. – Накормлю, напою, тут и говорить не о чем.

Стеснительно прихлебывая чай, Олег слушал не умолкающую ни на минуту хозяйку и уже жалел, что пришел сюда.

А та рассказывала об учителях, о директоре, о школе, в которой, как оказалось, проработала почти сорок лет.

Олег почтительно смотрел в выцветшие глаза Тамары Васильевны, переводил взгляд на такие же выцветшие бирюзовые сережки в ее ушах и размышлял, как бы половчее смыться. Словоохотливая хозяйка изрядно утомила его.

И вдруг она перевела разговор на тему, интересовавшую Олега.

– В одночасье рухнула школа, – говорила шепотом литераторша, – да, хорошо, начальство вызволило нас вовремя. Сам секретарь горкома товарищ Караваев явился...

– Это тот, что на черной «Волге» приехал? – уточнил Олег.

– Он самый, – подтвердила Тамара Васильевна.

– А откуда же узнали, что школа должна рухнуть? – спросил Олег.

– Кто его знает, – последовал ответ, – люди разное болтают.

– Что же именно?

Литераторша замолчала, задвигала по столу тарелки с пирожками.

– Вы что же это чай не пьете? – спросила она у гостя после продолжительного молчания.
– Вторую чашку выпил, – отвечивал Олег.
– И пирожки не едите, – напирала литераторша. – Вы ешьте, мама-то далеко, кто накормит?

Олег молча взял пирожок, пятый по счету.

– Люди разное болтают, – неожиданно повторила Тамара Васильевна прерванную мысль. – Вы видели, в тот час рядом с Караваевым находился такой серый мужичонка? – Олег кивнул. – Это Разумовский – уполномоченный КГБ. Мы сначала думали: может, диверсия? Поэтому и КГБ приехал, но потом Валька Скопидомова – парикмахерша, что причесывает Первую Леди Ямайки, проговорилась...

– Кого-кого? – не понял Олег.

– Ну Караваиху – жену первого... Так вот, Валька рассказала, что Караваиха ей по секрету сообщила, что, мол, какой-то предсказатель из Монастыря сообщил...

– Ничего не понял, – растерянно сказал Олег, – что за монастырь, какой предсказатель?

Тамара Васильевна молча помешивала в чашке чай. Только звяканье ложечки нарушало тишину. Чувствовалось, что осторожность борется в ней с желанием поведать гостю нечто весьма интересное. Наконец последнее, видимо, пересилило, и она продолжила свой рассказ.

– Вы недавно в Тихореченске, – вкрадчиво начала она, буравя Олега своими глазками, которые вдруг стали пронзительными и яркими, – и поэтому не знаете, что такое Монастырь. – Олег согласно кивнул, подтверждая, что не знает. – Монастырь, – пояснила Тамара Васильевна, – это психиатрическая лечебница, но не простая, а специальная, находится там, говорят, народ со всей страны, но городских не держат... А что за народ, – официальным тоном заявила она, – я не знаю и знать не желаю. Но будто бы, – тут голос ее стал доверительным, – народ не простой. Валька Скопидомова – золовка нашей географички Натальи Сергеевны. Так она, Валька то есть, и узнала...

Рассказ литераторши стал несколько сбивчивым.

– Короче, Вальке под большим секретом сообщила Караваиха, а ей муженек рассказал, что в Монастыре лежит некий предсказатель, он и дал знать, что школа рухнет. Не хочу, будто бы говорит, чтоб люди невинные пострадали, хоть Советскую власть и не жалею. А предсказатель этот к нам с самых верхов прибыл, – тут Тамара Васильевна показала пальцем в потолок. – Вроде там в немилость впал, поэтому его сюда и сослали. Сюда многих ссылали, – с гордостью добавила она.

Олег слушал эти речи и не знал, что и подумать.

«Вздор какой несет баба, – размышлял он, – однако есть в этом что-то... Вдруг все правда? Да нет, обычные провинциальные выдумки».

– За что купила, за то и продаю, – неожиданно сказала Тамара Васильевна, по бегающим глазам гостя поняв, что ей не верят. – Тут, молодой человек, такое иной раз случается, чего и в столицах не бывает, – уж поверьте мне, всю жизнь здесь прожила.

– Да нет, – сказал Олег, – отчего же, я вам верю...

– Верите, не верите, – усмехнулась литераторша, видимо, уже жалея, что сказала лишнее, – поживете здесь и не такое узнаете. И все же я надеюсь на вашу порядочность, – тихо добавила она, провожая Олега.

Тот молча кивнул. В голове у него от всего услышанного был полный бедлам.

На следующее утро он, стараясь не встречаться глазами с Тамарой Васильевной, наскоро отметился возле развалин школы и, захватив с собой еду и термос с чаем, отправился в облюбованный овраг.

Погода стояла по-прежнему ясная, тихо журчал ручей, кусты шиповника, которым зарос овраг, были усыпаны ягодами цвета запекшейся крови.

Олег развел небольшой костерок. Синий дымок поднимался вверх, Олег поджаривал на прутике кусочки колбасы, было ему так хорошо и спокойно, как не было еще ни разу в этом городе. Но мысли все возвращались и возвращались к рассказу Тамары Васильевны.

Насколько все услышанное – правда? На тридцать, пятьдесят процентов? А может быть, от начала до конца?

Предсказатели, прорицатели... Их всегда было много на Руси. Взять хотя бы Авеля... Олег вспомнил факультативы профессора Заволотского в университете. По Авелю он даже писал курсовую... Хотя профессор ее и похвалил, но отметил, что в ней слишком много авторской фантазии. А как же без фантазии, ведь материалов по Авелю раз-два и обчелся? Но он вроде бы проштудировал все. Итак, что там было с этим монахом?

Отступление второе: Авель

Об Авеле известно и много, и мало. В свое время толки об этом человеке шли чуть ли не по всей России. Его предсказания вселяли страх и надежду. О них судачили и в петербургских дворцах, и в домах простолюдинов. С ним искали встречи знатные вельможи, иерархи церкви, масоны и разные авантюристы. Одни жаждали получить мистические откровения, другие – узнать свою судьбу, третьи – разбогатеть при его помощи.

Однако Авель, или просто Василий Васильевич, как его звали до пострижения в монахи, не очень-то стремился к славе. Светские радости его почти не интересовали, а в последние годы жизни он и вовсе перестал общаться с мирянами. Заключенный по приказанию Николая I в монастырь, он вел уединенный даже для схимника образ жизни. Писал что-то в своей келье или копался в монастырском огороде. Доступ к нему был строго ограничен, за чем следил специально приставленный жандарм. Тут же, в монастыре, он и скончался, прожив без малого девяносто лет.

А началось все с того, что староста одной из деревень помещика Зайцева доложил своему барину, что в деревне завелся пророк.

– Какой такой пророк? – в изумлении спросил Зайцев.

– Да Васька, кузнецов сын.

– И что же он напроорочил? – усмехаясь, спросил отставной гвардейский поручик.

– Страшно сказать, – шепотом произнес староста.

– Ну же! – подбодрил Зайцев.

– Вещает мерзавец, – так же шепотом продолжил староста, – что матушка-государыня вскорости помереть изволят.

– Интересно, – тихо произнес Зайцев, – а когда именно?

– Через два года, батюшка-барин, так этот недоумок говорит. И день, и час называет...

– Даже час? – делано удивился Зайцев. Потом прикрыл глаза и задумался. Бывший гвардеец был не труслив, однако ситуация была не из простых. Молчал и староста. Хитрый мужичонка прекрасно понимал, что поставил барина в неловкое положение.

– А приведи-ка мне этого пророка, – наконец сказал Зайцев.

Через полчаса тот был доставлен.

– Ты пока иди, – кивнул Зайцев в сторону переминавшегося с ноги на ногу старосты. Тот охотно выскочил за дверь.

Барин разглядывал стоящего перед ним парня. Стоит, опустив голубые глаза книзу. На кликушу несколько не похож...

– Ну, Василий, – наконец сказал барин, – знаешь, зачем я тебя позвал?

Парень молча кивнул головой.

– Значит, знаешь, – Зайцев с интересом разглядывал детину, – ну да, ты же пророк. А знаешь, какое наказание ждет тебя за твои дурацкие речи?

Парень молча пожал плечами.

– Странно, – насмешливо сказал Зайцев, – уж об этом мог догадаться и не обладающий даром пророчества. Выпорю! Чтоб не болтал лишнего. Для твоей же пользы. Потому как, узнай про твои речи там, – он показал пальцем вверх, – думаю, простой поркой не отделаешься. Но мне, знаешь ли, не особенно хочется терять такого работника, как ты. Про слова дерзкие и слышать не хочу... Неинтересно мне это. Но предупреждаю, услышу еще что-нибудь подобное, пеняй на себя. А теперь ступай на конюшню.

Парень, так и не сказав ни слова, покорно повернулся и направился к дверям.

– Постой-ка, – неожиданно сказал Зайцев, смотревший ему вслед.

Парень остановился.

– Так ты говоришь, что знаешь, когда матушка-государыня почит в бозе?

Василий глянул прямо на помещика, и тот поразился этому взгляду: ни тени страха не было в нем. Прямо и открыто смотрел кузнецов сын, даже насмешка почудилась Зайцеву в его взгляде, впрочем, может, лишь почудилась...

– Так как же, знаешь или не знаешь?

– Знаю, – просто ответил парень.

– Ну так назови.

Василий сказал год, месяц, число и даже час. Помещик обмакнул перо в чернильницу и записал сказанное.

– Ну что ж, – сказал он, – немного осталось, чтобы проверить твою правоту, а пока – на конюшню, и советую: не болтай!

И выпороли сердешного, крепко выпороли!

С тех пор жалоб на Ваську не поступало, но чувствовал Зайцев, так просто это дело не кончится. Чем было вызвано это предчувствие, он сам не мог дать ответа, но в душе отставного гвардейца будто бы льдинка засела.

А через пару лет льдинка эта и вовсе превратилась в снежный ком.

Прибежал как-то к Зайцеву все тот же староста, бухнулся в ноги, завыл: царица-то наша... царствие ей небесное...

– Ты чего мелешь, дурень, – рука Зайцева потянулась к арапнику.

– Истинная правда! – завопил ополоумевший мужик. – Своими ушами слышал: фельдъегерь на почтовой станции останавливался, сменил лошадей и дальше... Он сказывал... А я как раз у кумы был, она в стряпухах у станционного... Да вы знаете...

– Знаю я твою стряпуху, – усмехнулся Зайцев, но сразу посерьезнел, – так, значит, сам слышал, что фельдъегерь говорил?

– Вот истинный... – закрестился староста.

Перекрестился и Зайцев: «Со святыми упокой...» – пробормотал он. Потом внезапно что-то вспомнил, подошел, нет, почти подбежал к секретеру, выдвинул потайной ящичек, достал бумагу, близоруко взгляделся... Рот его приоткрылся, он изумленно и испуганно посмотрел на старосту:

– Помнишь, что Васька, кузнеца сын, болтал?

Староста оторопело уставился на барина...

– Ну, когда я велел его выпороть, – барин сердито насупился, глядя на непонятливого мужика.

– А-а... – протянул староста и прикрыл рот ладошкой, – не может быть!

– А вот может, – тихо сказал Зайцев, – год сходится и месяц; вчера, говоришь, преставилась... и день... Надо думать, и час он правильно исчислил.

– Да как же-то... – староста испуганно смотрел на Зайцева.

– Зови ко мне Ваську, – вместо ответа сказал барин.

И вот кузнецов сын снова перед ним.

– Сбылись твои пророчества, – без промедления начал Зайцев, – царица померла.

Парень молча кивнул, мол, знаю.

– Ты садись, – Зайцев пытливо смотрел на Василия. Тот нехотя сел. – Расскажи, как это у тебя получается, ну предсказания эти...

Парень поднял голову и посмотрел помещику прямо в глаза. Некоторое время он молчал, потом сказал:

– Этого нельзя объяснить, временами как накатывает... Будто открывается дверь и... – Он замолчал, обдумывая сказанное. Молчал и Зайцев.

- Словом, – подытожил Василий, – будто подсказывает мне кто.
- Что же тебе еще подсказали?

Парень как-то робко и одновременно с чувством превосходства улыбнулся:

– Многое я знаю, но не все говорить велено. Да потом вы сами меня предупредили: не болтай!

- Ну мне-то можно!
- Спрашивайте.
- Кто на престоле будет?
- Павел Петрович.

«Ну, это ясно и без пророка, – подумал Зайцев.

– И долго он будет править?»

– Сие пока мне неизвестно, – сообщил Василий, – знаю только, что не своей смертью умрет государь.

– Вон что, – похолодел Зайцев, речи становились опасными. – А каково будет царствование Павла Петровича?

– Будет оно весьма смутно, будут войны... Дурить будет государь, сильно дурить!

«Похоже на правду», – подумал Зайцев, наслышанный о характере наследника.

– Ну, а я... Меня что ждет?

Парень искоса посмотрел на помещика.

– Негоже вам знать свою судьбу, – тихо произнес он...

– Почему негоже? – спросил Зайцев.

– Любовь к жизни потеряете.

– Наоборот! – Зайцев вскочил с кресла и забегал по кабинету. – Наоборот! – повторил он. – Коли буду знать точно отпущенный мне срок, так и остатком распоряжусь по своему разумению, мудро и основательно.

– Ой ли, – усмехнулся парень, – а не смутите ли вы душу, постоянно вспоминая: сколь же до смертного часа осталось?

– Может, ты и прав, – задумчиво сказал Зайцев, снова сядя в кресло.

– Скажу только, – продолжал Василий, – что придется вам еще повоевать под знаменами Александра Васильевича Суворова-Рымникского.

– А не шутишь? – Зайцев серьезно посмотрел на Василия. – Ведь я в отставке.

– Через меня и на войну попадете, – так же серьезно ответил парень.

Зайцев некоторое время молча смотрел на Василия, потом отпустил его восвояси.

Неведомо как, но слух о пророке пошел гулять. Через некоторое время в поместье Зайцева прискакали фельдъегеря и потребовали его в столицу, да не одного, а с пророком. Предстал Зайцев пред светлы очи грозного государя Павла Петровича.

– Говорят, у тебя в поместье пророк завелся? – спросил император.

– Да, ваше величество, – ответил Зайцев.

– И что же он пророчил?

Зайцев рассказал подробности.

– Значит, про смерть матушки он точно сказал, не врешь?

– Врать не приучен, ваше величество.

– Дерзок ты! Пророков у себя развел. А про меня что сказывал твой Васька?

– Не знаю, ваше величество, не спрашивал.

– Ой ли? Ну ладно. Пророка доставить ко мне, а сам ты мне послужить должен, а то от безделья вон вольнодумство развел. Так что в армию. Хоть ты и годами не молод, для службы сгодишься, и не такие служат.

Так сбылось еще одно предсказание Авеля.

К слову сказать, Зайцев с честью служил России и погиб во время Итальянской кампании.

А Василий-Авель? Судьба его круто изменилась. За свои предсказания, а предсказал он с удивительной точностью и смерть императора Павла, и нашествие Наполеона, и сожжение Москвы, не раз попадал он в крепость, а на склоне лет по приказанию Николая I был определен в Спасо-Ефимьевский монастырь. Но что удивительно, никогда не было случая, чтобы его предсказания не сбылись. Каким образом удавалось ему знать будущее, так и осталось неизвестным. Из его мистических сочинений это не становится ясным.

Глава 4

Секретарь горкома партии Аркадий Борисович Караваев после памятного происшествия со зданием школы не находил себе места. Ему безумно хотелось познакомиться с человеком, который обладает такими необычайными способностями. Ну и что, если он лежит в психиатрической лечебнице? Мало ли кто там лежит. Но ведь, как рассказал кагэбэшник, был он близок к самым верхам. А коли и там интересуются подобными вещами, то отчего же не интересоваться ему? К тому же человек совершил, можно сказать, геройский поступок, поступок в лучших традициях коммунистического общества, спас жизни детей. За одно это ему нужно памятник поставить. Так размышлял Караваев, убеждая себя, что ему необходимо встретиться с таинственным ясновидящим.

Были, впрочем, и опасения. Какой-то внутренний голос подсказывал Караваеву: не лезь в это дело, не встречайся с психом, однако... Однако партиец не прислушивался к внутренним голосам. Капитолина, или Первая Леди Ямайки, тоже места себе не находила после того, как узнала о существовании прорицателя.

– Как это так, – говорила она мужу, – тебя, первого секретаря, не пускают в какую-то шизарню, да кто они такие?

– Ну, Капа, – уклонялся от упреков Аркадий Борисович, – ведь никто не говорит, что не пускают. Пустьят, наверняка пустьят. Просто Разумовский сказал, что главврач подчиняется каким-то особым инстанциям...

– Инстанциям... – насмешливо протянула Капитолина Александровна, – в своем районе ты – бог. И никакие инстанции тебе не указ.

– Ты бы, Капа, не болтала разный вздор, – недовольно замечал Аркадий Борисович, но в душе он был согласен с женой.

– К тому же, – вкрадчиво продолжала Капа, – неужели тебе самому неинтересно посмотреть на человека, который обладает подобными способностями? Сам же говорил: «Был близок к верхам...» Коли уж там не считали зазорным общаться с ним, то почему бы и тебе не пообщаться? Может, чего умного скажет.

Именно «может, чего скажет» и толкало Караваева. Он даже себе боялся признаться, чего ждал от этой встречи. Некоторое время суровый партиец крепился, но скоро вызвал к себе Разумовского и прямоком попросил устроить встречу с главврачом Монастыря.

– Интересуетесь этим провидцем? – усмехнулся Разумовский.

Караваеву эта усмешка не понравилась, однако он вежливо сообщил, что хочет досконально изучить все, что находится во вверенном ему районе.

– Хорошо, – коротко сказал Разумовский, – я постараюсь устроить вам эту встречу.

Через пару дней он позвонил Караваеву и сообщил, что того ждут в Монастыре. Назвал время и предупредил, что Караваев должен быть один.

– Возьми меня, Аркаша, – упрашивала Капитолина, но Караваев остался непреклонным. Один так один, и точка. На следующее утро он отправился в Монастырь.

Минут через пятнадцать черная «Волга» подъехала к массивным железным воротам, которые при ее появлении медленно поползли в сторону, открывая проезд. Караваеву уже случалось проезжать мимо Монастыря. Высокие массивные стены, увенчанные колючей проволокой, какие-то приземистые строения, видневшиеся из-за них, не заинтересовали его. Мало ли тюрем в России. Однако теперь, въезжая в пределы этого таинственного учреждения, секретарь горкома почувствовал нечто вроде трепета. Чувство это возникло помимо его воли, во всяком случае, настроен Караваев был просто познакомиться, посмотреть...

Пустынный двор, вымощенный древним булыжником, был залит сентябрьским солнцем. Промелькнула фигура в белом халате и тут же скрылась. Шофер повернул голову к Караваеву: «Куда теперь?»

Караваев и сам недоумевал. Он надеялся, что его встретят.

– А черт его знает! – в сердцах произнес он. – Наверное, вот туда, – и указал рукой на старинного вида домик, как бы замыкавший площадь. За ним виднелись еще какие-то строения, полускрытые подобием сада.

Машина подъехала к домику. Караваев вышел и нерешительно подошел к входной двери. Возле нее красовалась табличка, сообщавшая, что это здание – памятник архитектуры XVIII века и охраняется государством. Больше никаких указателей на здании не было. С минуту секретарь изучал табличку, потом перевел взгляд на само здание. Ничем особенным, на его взгляд, оно не выделялось, было достаточно облуплено и неухожено.

«Тоже мне памятник, – с досадой подумал Караваев, однако нужно было что-то делать. – А не уехать ли? – размышлял он, оглядывая чахлый садик. – Коли такое неуважение... мог бы и встретить. Ну не сам, то хотя бы заместителя послал».

В этот момент дверь, обитая рваной клеенкой, распахнулась, и на пороге предстал высокий, крупного телосложения человек, состоявший, казалось, из одних улыбок. Лицо его так и цвело. Румяные щечки тряслись от восторга.

– Уважаемый Аркадий Борисович? – спросил незнакомец сладким голосом.

Караваев холодно кивнул.

– Простите, ради бога, – стал извиняться незнакомец, всем своим видом выражая преданность, – что не встретил вас у ворот: упущение, величайшее упущение! Главврач голову с меня снимет! Просто не знаю, как оправдаться... – Незнакомец заломил руки в притворном ужасе.

– А вы кто? – строго спросил Караваев.

– Я-то? – человек потупился и стал ковырять землю носком башмака. – Я ихний заместитель Козопасов, главного врача то есть, Ромуальда Казимировича.

– А где он сам?

– Да ждет вас! – горячо воскликнул странный этот человек. – Ждет не дождется, пожалуйста за мной.

Слегка сбитый с толку необычным приемом, Аркадий Борисович двинулся за Козопасовым. Некоторое время шли какими-то темными коридорами.

– Сюда, сюда, – показывал дорогу Козопасов, придерживая Караваева за локоток. Наконец вошли в просторную комнату с высокими сводчатыми потолками. Свет лился не только из окон, но и откуда-то сверху, потому мрачноватое помещение казалось вполне обжитым и даже уютным.

– Прошу вас, – пробормотал Козопасов, пропуская Караваева вперед. За большим письменным столом склонился над бумагами человек. Аркадий Борисович с любопытством уставился на пресловутого главврача. С минуту в кабинете сохранялось молчание. Козопасов отошел куда-то в тень. Наконец главврач поднялся и сделал шаг навстречу:

– Рад приветствовать, – дружелюбно произнес он, – чем обязан вашему визиту?

– Да вот, – улынувшись, сказал Караваев, – как первое лицо в районе решил познакомиться с вверенным вам учреждением.

– Познакомиться с учреждением? – переспросил главврач. – Отчего же, можно, но сначала давайте познакомимся с вами.

Караваев представился.

– Ромуальд Казимирович Ситников, – сообщил свое имя хозяин кабинета, – руковожу вверенным мне учреждением, – в его словах Караваеву послышалась насмешка.

Караваев было нахмурился, но потом решил не обращать внимания. До поры до времени. А там видно будет. Он внимательно рассматривал Ситникова. Ничего особенного, довольно невзрачный, скорее даже плюгавый, размышлял он, не то что его заместитель – великан Козопасов. Глазки вот только... Интересные глазки. Вроде сверлят тебя насквозь.

– Так, значит, желаете ознакомиться с больницей, а стоит ли? Контингент наш непростой, весьма непростой. Да и больница эта необычная. Может настроение испортиться от знакомства с пациентами. – Он остро посмотрел на Караваева. – Конечно, я понимаю, долг партийного руководителя – вникать во все мелочи, во все, так сказать, сферы, даже неприятные.

– Вот именно, – заметил Караваев. – Хотя визит решил нанести не из праздного любопытства.

– Неужели? – произнес Ситников и снова глянул на Караваева не то с интересом, не то с иронией.

– В первую очередь хотел вас поблагодарить.

– За что же?

– Ну как же, ведь ваша информация спасла жизни людей.

– Это вы о школе?

– Точно, – Караваев широко улыбнулся и протянул руку для пожатия, – от всех жителей города примите благодарность. И еще хотелось бы узнать, каким все же образом вам стало известно о предстоящей аварии? Именно это не дает мне покоя, как же, думаю, они смогли узнать? – Он выжидательно покосился на собеседника.

– Интересный вопрос, – кисло улыбнулся Ситников, – видите ли, Аркадий Борисович, есть тут у нас один человек. Забавная личность, умеет в некотором роде предсказывать будущее. Как уж это у него получается, не спрашивайте, не знаю, но тем не менее предсказывает! Я от вас ничего не скрываю. Вот он-то и предупредил, что школа в вашем городке должна рухнуть. Зная, что он почти не ошибается, мы сочли своим долгом сообщить об этом.

– А нельзя ли повидаться с этим человеком, выразить ему благодарность лично? – Караваев выжидательно смотрел на своего собеседника.

– Ну почему же, можно, конечно. Только доставит ли вам это удовольствие, ведь он больной?

– Я понимаю, и все же...

– Уж не судьбу ли свою хотите узнать?

– Да! – совершенно произвольно вырвалось у Аркадия Борисовича.

– Ну-ну, – спокойно промолвил Ситников, – судьбу собственную знать опасно, к тому же предсказатель наш вряд ли вам что-нибудь сообщит. Ему, видите ли, все равно, кто перед ним: секретарь райкома, маршал или член Политбюро. Такой уж он человек.

– А что, – шепотом спросил Караваев, – он на самые верха был вхож?

– В том-то и беда, что был вхож, очень даже был, но вот строптив больно, вещает иной раз нелицеприятное. Да это еще бы ничего – так он поучать надумал, и кого поучать.

– Кого? – подавшись вперед, спросил Караваев.

– Не имею права разглашать, – ответил главврач, – но скажу по секрету: очень большую величину, очень! Насчет него существуют строгие указания, впрочем, для вас я сделаю исключение, вы его увидите. Однако, предупреждаю, ни одна живая душа не должна знать, что вы с ним встречались. – Ситников в упор посмотрел на Караваева.

– Клянусь партбилетом, – Караваев прижал руку к правой стороне пиджака, где, по-видимому, находился святой документ. Он хотел добавить, что оправдает доверие, но вовремя остановился.

– Что ж, подобной клятве нет оснований не верить! – торжественно произнес главврач, и в глазах его мелькнула насмешка. – Козопасов! – позвал он. Тут же из-за спины Караваева выросла фигура зама. – Давай, любезный, организуй нашему гостю экскурсию, объясни. Что

не ясно, растолкуй... Словом, введи в курс дела. Ну и... – тут главврач сделал выразительную паузу, – познакомь...

– С... – произнес Козопасов и замолчал.

– Именно с ним. А потом, после экскурсии, милости прошу ко мне. Обменяемся, так сказать, мнениями.

Караваев повернулся к двери.

– Да, – произнес в спину Ситников, – халат наденьте, без халата нельзя!

– Конечно, конечно, – согласился Караваев, – а где его взять?

– Ну, это не проблема, – главврач оглядел плотную фигуру секретаря, – этого добра у нас хватает. Вот этот, я думаю, подойдет. – И действительно, халат на партийце сидел как влитой. Караваев осмотрел себя в зеркале и остался доволен, выглядел он весьма солидно: ну прямо как какое-нибудь медицинское светило.

– А вам к лицу, – сказал главврач, и в его тоне Караваеву опять почудилась насмешка. Однако перспектива увидеть таинственного пророка стоила любых мелких уколов. Странно, конечно. Атеист до мозга костей, преданный коммунистической идее человек, он тем не менее стремился увидеть какого-то неведомого прорицателя. Для чего, он и сам не мог отдать себе отчета. Узнать судьбу? Ни в какую судьбу он не верил. Тогда зачем же? Значительно позже Караваев и сам часто спрашивал себя, зачем он тогда искал этой встречи, но так и не мог найти ответа.

– Пойдемте, – тихо произнес Козопасов после того, как Караваев вдоволь налюбовался на себя в зеркале.

– Идите, идите, – весело напутствовал их Ситников.

Они вновь прошли коридорами и остановились у массивной двери с глазком. Козопасов нажал на кнопку звонка, дверь распахнулась, и Караваев вслед за своим провожатым переступил порог. Первое, на что обратил внимание Караваев, был запах. Тяжелый, почти тошнотворный, он обволакивал, ударял в голову, сбивал с ног. Караваев невольно остановился и огляделся: куда это он попал. Помещение было, казалось, заполнено тенями. Теней было много, очень много. В воздухе стоял приглушенный гул, какой бывает на театральных премьерах, когда шепот сотен голосов, скрип кресел, шорох программки сливается в один тон, предвещающий праздник. Здесь праздника не чувствовалось. Все было залито неестественно ярким светом, однако Караваев не сразу понял, кому принадлежат фигуры толпящихся перед ним: мужчинам или женщинам.

– Ну и запахок тут, – недовольно проворчал он, обернувшись к Козопасову, – где это мы?

– Это женское отделение, – спокойно произнес его провожатый.

– Зачем же женское? – еще более недовольно спросил секретарь. – Пророк, он что, женщина?

– Мне приказано показать вам всю нашу больницу, – так же спокойно ответил Козопасов и посмотрел гостю прямо в глаза. Караваев машинально отметил, что нотки подбострастия в его голосе исчезли, напротив, этот высоченный детина стал вроде бы еще выше. Не понимая причины таких метаморфоз, Караваев и здесь решил не обращать на них внимания. «Может, они все тут чокнутые», – опасливо подумал он.

– Здесь проходят лечение больные женского, так сказать, контингента, – официальным тоном начал рассказывать Козопасов. – Больница наша многопрофильная, поэтому народишко здесь со всего Союза. Разной твари по паре.

Тени в палатах между тем окружили вновь прибывших и стали их разглядывать. Караваев и сам с каким-то болезненным любопытством смотрел на эти создания, весьма мало похожие на женщин. Все они были острижены под машинку, лица у всех, казалось, сделаны из жеваной бумаги, а глаза... Вместо глаз у большинства были, казалось, черные дыры или же оловянные бляхи.

Толпа окружила их кольцом.

– Начальство... начальство, – зашелестело кругом. Караваев вглядывался в неподвижные лица, и ему почему-то сделалось страшно. Одна из больных попыталась коснуться рукой лица секретаря. Караваев отпрянул, опасливо посмотрел на больную, а затем на Козопасова.

– Не бойтесь, – спокойно сказал тот, – эта не опасная. Отойди, Зина, – приказал он женщине, – не пугай товарища.

– А что, бывают и опасные? – уже не скрывая испуга, спросил Караваев.

– Полно! – последовал ответ. – Здесь каждая вторая социально опасна: убийца или еще похуже.

«Что же может быть похуже», – с ужасом подумал Караваев, но спрашивать не стал.

Зина покорно отошла, но ее место заняла другая дама. Эта, видимо, была молода, ее глаза лихорадочно блестели, а по лицу пробежала судорога.

– А ты красивый, – громко произнесла она, обращаясь к Караваеву, – хочешь...

– Чего? – не понял тот.

– Иди отсюда! – прикрикнул на женщину Козопасов и грубо толкнул ее рукой.

Та отлетела в сторону и ненатурально зарыдала.

– Она у нас нимфоманка, – пояснил Козопасов, – с любым столбом готова...

Караваев не совсем понял смысл слова «нимфоманка», но общая суть до него дошла, потому что он залился краской. Женщины, казалось, потеряли к Караваеву интерес, потому что разошлись по своим углам. Лица их приняли обычное безучастное выражение. Экскурсия начинала утомлять Караваева.

«Скорей бы уж, – думал он, озираясь на Козопасова, – повел к этому пророку, да и дело с концом».

Между тем к секретарю подкралось какое-то создание неопределенных лет и, ухватив за рукав, потащило в сторону.

– Что вам надо? – хриплым шепотом произнес Караваев, пытаясь вырваться, но создание держало крепко.

– Я все знаю, – зашипела женщина, – знаю я все и про тебя, и про нее.

– Про кого, – спросил перепуганный секретарь, – пустите... – Он обернулся, ища глазами Козопасова, но того нигде не было. «Что же это, – содрогнулся Аркадий Борисович, – меня бросили?»

А женщина не отпускала, она что-то горячо и сбивчиво бормотала о суке Лидке, о каких-то лейтенантах. Караваев стоял ни жив ни мертв. Увлеченная беседой сама с собой, женщина выпустила рукав Караваева. Громко хохоча, она стояла рядом и брызгала во все стороны слюной. Неожиданно она размахнулась и изо всей силы вlepила Караваеву оплеуху. Удар был настолько силен, что у того искры посыпались из глаз.

«Как же это? – металась в голове секретаря единственная мысль. – Почему меня бросили, нарочно подстроено или случайность? Ну они за это ответят!»

В этот момент к бойкой женщине, обидевшей Караваева, подскочила еще одна, толстая и безобразная, совсем старуха.

«Ну все, конец!» – решил Караваев и зажмурил глаза. Но дальнейшего насилия по отношению к нему не последовало. Старуха, напротив, вцепилась в его обидчицу.

– Не трожь моего сыночка! – завопила она. – Не трожь, падла. – Она легко повалила тщедушную обидчицу Караваева и стала ее пинать. Вокруг снова собралась толпа. Внезапно старуха перестала избивать ревнивую даму и бросилась обнимать Караваева.

– Сыночек!!! – кричала она. – Василек, наконец-то!!! Я знала, что ты придешь, я знала... – и она слюнявила лицо секретаря поцелуями. В это мгновение подбежал Козопасов.

– О, извините, – прокричал он, отталкивая в сторону женщину, объявившую себя матерью Караваева, – виноват, извините, срочное дело, без меня не решились, пардон, пардон. Вас,

я вижу, немного помяли, – развязно продолжал он, – это уж специфика заведения такая... Ну ничего, случается. Сейчас пройдем дальше.

Караваев побелел от гнева. Челюсть его тряслась, он не мог собраться с мыслями, но наконец нашел в себе силы и завопил:

– Как вы смеете!

– В чем дело? – делано удивился Козопасов.

– Почему вы бросили меня? Я буду жаловаться! Приведите сюда главного врача!

– Сию минуту, – с готовностью сказал Козопасов и рванулся к двери.

Взгляд Караваева обратился на контингент отделения, опять собравшийся вокруг него.

Секретарь понял, что вновь остается один.

– Постойте! – закричал он вслед Козопасову. – Уведите меня отсюда.

– Конечно, конечно, – подскочил тот, – сейчас мы пойдем дальше, экскурсия продолжается.

– Экскурсия закончена, – оборвал его Караваев, – ведите меня к главврачу.

– Да как же... ведь вы хотели увидеть...

– Все, что я хотел увидеть, я уже увидел, – твердо сказал Караваев. Присутствие духа постепенно возвращалось к нему. Дверь отделения распахнулась, и секретарь поспешно выскочил прочь. Он достал платок и вытер лицо, поскольку до сих пор ощущал на нем слюнявые поцелуи вонючей старухи, посмевавшей назвать его своим сыном. Ну ничего, этот болван Козопасов ответит за все. Болван стоял рядом и переминался с ноги на ногу. На лице его была написана почтительная робость.

– Неужели не идем дальше? – осторожно спросил он. – Ведь самое интересное впереди: мужское отделение, затем хроники, потом спецотделение... Пойдемте, не пожалеете. И, главное, тот, кого вы так хотите увидеть.

– Нет, – твердо ответил Караваев, – на сегодня достаточно.

– Ну нет, так нет, – покорно согласился Козопасов.

И вот они снова в кабинете главврача.

– Что так быстро? – удивился тот, рассматривая злое красное лицо секретаря.

Не отвечая, Караваев лихорадочно, обрывая пуговицы, стаскивал с себя халат.

– В чем дело? – строго спросил Ситников, обращаясь к Козопасову.

– Небольшая неувязочка, – проямлил тот, опуская глаза.

– То есть?

– Он меня бросил на растерзание этих сумасшедших баб! – завопил Караваев. – Меня чуть не убили.

– О! – взволнованно воскликнул главврач и вскочил из-за стола. – Не может быть!

– Может, – надрывался Караваев, – именно может!!! Это не просто безобразие, это дискредитация ответственного работника. Политическое дело.

– Ну прямо уж политическое, – неожиданно нагло отозвался Козопасов, – велика важность, дала ему Зойка по морде.

– По морде? – изумился Ситников. – И ты допустил?!

– Так уж получилось, – уныло произнес Козопасов.

– Ты уволен, – холодно произнес Ситников. – Он уже уволен, Аркадий Борисович, – официальным тоном обратился он к Караваеву.

– Так тебе и надо, урод! – мстительно произнес секретарь.

– Ромуальд Казимирович... – канючил Козопасов, как провинившийся школьник.

– Уволен, и точка! – Ситников был непреклонен. – Таким, как ты, не место в советской медицине. Садитесь, Аркадий Борисович, – обратился он к Караваеву, – сейчас самое время расслабиться. – Ситников достал из сейфа початую бутылку коньяка. – Рекомендую, армянский «Двин», отличная вещь, между прочим, расширяет сосуды.

– А как же со мной? – ныл Козопасов.

– Убирайся, ты мне не нужен.

Козопасов, сморщившись, вышел за дверь.

– Сейчас проглотим по рюмочке, – доверительно сообщал Ромуальд Казимирович, – и продолжим экскурсию, я лично вас поведу, возьмем на всякий случай двух санитаров. Тут ведь у нас заведение специфическое, то, что вы видели, так – цветочки.

– Нет, – отрицательно мотнул головой Караваев, – с меня достаточно.

– А как же наш пророк?

– Обойдусь без пророков. К тому же мне урок, коммунист и вдруг уверовал в какую-то чертовщину.

– Дело ваше, – охотно согласился главврач, – может, вы и правы. А Козопасова я уволю, хотя работник он неплохой, бестолков, конечно, но исполнительен и предан, как собака.

– Хам он, – резюмировал Караваев.

– Это есть, – охотно согласился Ситников, – ну давайте еще по рюмочке.

Коньяк был отличный, в этом Караваев знал толк. После пережитых волнений он расслабился, немного накатило благодушие. Внезапно он вспомнил об оплеухе: «...как, если узнают?! Ведь позора не оберешься. Мерзавец все же Козопасов, хотя и исполнительный. Уволят его, пойдет болтать со зла...»

Он поднял глаза на главврача:

– Об этом инциденте, я надеюсь, никто не узнает?

– Вы о чем? – Ситников снова разлил коньяк по рюмкам.

– Ну больная, которая меня...

– А-а, – протянул главврач, – нет, конечно, можете не опасаться.

– Придурка этого, может быть, не стоит увольнять, – продолжил свою мысль Караваев, – а то пойдет трепать языком...

– Ну коли вы сами за него просите, – главврач сделал глоток и посмотрел на Караваева, в глазах у него мерцали искорки. – Однако я бы уволил, ведь он не только халатно отнесся к своим обязанностям, но и хамил вам.

– И все же оставьте, – твердо сказал Караваев.

– Ваша просьба для меня закон. А как же все-таки наш прорицатель? Очень интересная личность. Не хотите пообщаться?

– Как-нибудь в другой раз, – отрезал Караваев таким тоном, что было понятно: другого раза не будет.

На этом они распростились. Когда автомобиль первого секретаря выехал из Монастыря, тот облегченно вздохнул: «Ну слава богу». О злополучной экскурсии он старался не вспоминать. Дома на расспросы Капитолины отвечал, что ничего особенного. Больница как больница, проще говоря – дурдом. А этого предсказателя он видел. Полнейший идиот, да и никакой он не предсказатель, а так, юродивый.

– И что он тебе предсказал? – жарко шептала жена, когда они уже лежали в постели.

– Что через два года быть мне в обкоме, – соврал Караваев.

– А кем, Аркаша? – замирая, спросила жена.

– Вторым, – коротко ответил Караваев, решив уже не слишком завираться.

– Тоже ничего, – удовлетворенно произнесла Капитолина, – где второй, там и первый. –

И она крепко обняла своего ненаглядного партийца.

– А кто такая нимфоманка? – неожиданно спросил Караваев.

– Понятия не имею, – недовольно произнесла Первая Леди Ямайки, – из римской мифологии, наверное. Не отвлекайся, милый.

Глава 5

Школа до сих пор не возобновляла работу. Директор каждый день обещал, что вот завтра начнутся занятия, но с новым помещением были какие-то сложности.

Хорошая погода закончилась, наступило ненастье, а значит, закончились прогулки Олега по окрестностям городка. Он целыми днями сидел дома, слушал, как шумит за окном дождь, смотрел опостылевший телевизор и размышлял, как же все-таки увидеть таинственного прорицателя. Несомненно, нужно проникнуть в Монастырь, но возможно ли это сделать? Да и сам Монастырь – что он знает о нем? Кроме неясных слухов, ничего. Не то лечебное, не то научно-исследовательское... Кто там лежит? Что скрывается за его высокими стенами? На эти вопросы ответа у Олега не было. Он пробовал расспрашивать свою квартирную хозяйку, но вразумительного ответа не получил. Сначала она вообще отмахивалась от вопросов, потом сказала, что место это нехорошее и дела там творятся самые черные. Больше она на эту тему говорить не хотела, а может, ничего и не знала.

Присутствие тайны меняет жизнь человека, придает ей пряный привкус необычного. По сути, именно такие моменты делают существование осмысленным, во всяком случае, так считал Олег. Именно поэтому он увлекся этим делом. Но как же все-таки пробраться в Монастырь? Конечно, сидя в четырех стенах, ничего толком не узнаешь, надо идти в «народ».

Злачные заведения в Тихореченске были немногочисленны. Среди них наибольшим уважением трудящихся пользовался уже упоминавшийся ресторан. Побывать в нем считалось престижным.

– Вчера в кабаке был, – небрежно сообщил какой-нибудь юный горожанин, и окружающие смотрели на него с восторгом и недоверием. Но ресторан – это для аристократов. Пиво там было относительно свежее, цены умеренные. Демократические массы предпочитали пивбар. Именно здесь и рассчитывал Олег получить необходимую информацию. Пиво он любил, к другим же горячительным напиткам относился с недоверием. Ему всегда казалось, что люди, со знанием дела рассуждающие о качестве алкогольных напитков и преимуществах того или иного, кривят душой. Что водка, что коньяк – все одно гадость. А что касается вин, то они были либо чрезмерно кислыми, либо приторно-сладкими.

Эх, молодость, молодость, ей свойственно заблуждаться.

Однако, как бы там ни было, Олег отправился в пивбар. Назывался он «Казачья застава».

Заведения подобного типа были хорошо известны юноше. В недавние студенческие годы в своем родном городе он изучил их вдоль и поперек. «Казачья застава» ничем от них не отличалась. Те же длинные деревянные, залитые пивом столы; те же бочки, те же служащие за столами. И даже лица посетителей, казалось, те же. Народу было немного, день только начинался. Олег взял кружку пива, какую-то закуску и сел в угол. Низкие своды и полумрак заведения были не современной стилизацией под старину. Дело в том, что в этом помещении испокон веков находилась распивочная. Она существовала всегда, может быть, лишь в грозные годы военного лихолетья прекращала свое существование, но потом, как птица Феникс, возрождалась из пепла и превращала в пепел все новые и новые жизни. Олег разглядывал посетителей, смотрел на сонную толстую официантку, лениво ходившую между столами, и ему сделалось скучно. Похоже, ниточки, ведущие к тайне, здесь не наблюдались. Посетители, в основном хмурые похмельные граждане, уткнулись в свои кружки или разливали на троих водку. Олег заказал вторую кружку и теперь обдумывал, что же делать дальше. Как вступить в контакт с этими мрачными личностями? Подойти и спросить: не можете ли вы рассказать что-нибудь про Монастырь? Пошлют, непременно пошлют, а то еще и похуже.

Неожиданно сзади раздался незнакомый голос:

– Подвинься, учитель.

Олег обернулся и в полутьме различил, что перед ним стоит какой-то незнакомый парень. В каждой руке у незнакомца было по паре кружек пива.

– С бодуна? – спросил парень. – А говорили, что учитель новый не пьет.

Олег обрадовался: туземец, клюнуло... – но радости своей не выказал, молча подвинулся, отметив, что его знают; ну что ж, это упрощает процедуру знакомства. Парень между тем похозяйски развалился за столом и залпом выпил первую кружку. Видимо, она не полностью потушила пожар, бушевавший внутри него, потому что за первой кружкой тут же последовала и вторая. Только после этого парень перевел дух, посмотрел на Олега и повторил вопрос: «С бодуна?»

Олег неопределенно кивнул. Кивок можно было понимать: и да, и нет. Парень, видимо, понял как «нет».

– А я вот с бодунища, – меланхолично сказал он и потянулся за третьей кружкой. Сделав пару глотков, он вновь посмотрел на Олега и спросил:

– А почему аборигены съели Кука?

– Что-что? – не понял Олег.

– Высоцкий, – пояснил парень. – Значит, не пьешь?

– Ну почему же, – в тон ему сказал Олег, – нынче только сова не пьет...

– Точно, – хмыкнул парень, – ...хотели кушать и съели Кука.

Он снова отхлебнул и повернулся к Олегу.

– Стало значительно легче, вообще-то алкоголь – яд. «Ах, где я был вчера, не пойму, хоть убей, только помню, что стены с обоями...» – вновь процитировал он. – Меня, между прочим, Валентином звать, «Валюха крикнул – берегись, но было поздно».

– Олег, – представился наш герой. Разговор со знатоком творчества Владимира Высоцкого принимал несколько однообразный характер.

– «Как ныне собирается вещей Олег...» – с ходу процитировал новый знакомец, доказав, что он не чужд и классике.

«Как бы его свернуть на нужную тему? – размышлял Олег. – Видимо, сделать это можно только одним способом».

– Пиво – это, конечно, неплохо, – заметил он осторожно, – но не лучше ли по случаю знакомства попробовать что-нибудь покрепче?

– Мысль! – оживился парень. – А ты мне нравишься, учитель, быстро соображаешь. Пойдем в магазин!

Через некоторое время они сидели в старой беседке запущенного городского сада, и Валентин умело раскупоривал бутылку портвейна.

«Голова будет болеть, – тоскливо думал Олег, – ну ничего, потерплю».

Разговор коснулся творчества знаменитого барда, которого так часто цитировал его новый знакомый.

– Братуха у меня служил под Москвой, в ВДВ, так Володя покойный к ним приезжал, пел... У братухи даже фотка есть – Высоцкий среди десантников, братуха над ней трясется, будто она золотая... Я бы, конечно, тоже трясся, – завистливо вздохнул новый знакомец. – А ты, учитель, почему не в школе, что, с уроков сбежал? – перевел он разговор на другую тему.

– Школа наша... – начал Олег.

– Да знаю я, – хлопнул его по плечу Валентин, – шутка это. Я сам в этой школе учился, слава богу, не при нас она развалилась.

– Интересно знать, почему она рухнула так внезапно? – осторожно начал Олег.

– Старая была, вот и... – парень употребил непечатное слово, – скажи спасибо, что не на ваши головы.

– Вот это-то и удивительно, – гнул свое Олег, – откуда власти знали, что она развалится?

– Из Монастыря сообщили, – сказал парень, как о чем-то само собой разумеющемся.

– Кто сообщил?

– А черт его знает кто. Какой-нибудь тамошний...

– А что это за Монастырь такой?

– Да психушка особого режима, содержат разных со всей страны, дивидендов, что ли.

– Ддиссидентов, – поправил Олег.

– Ну, может, диссидентов. Там все жутко секретное.

– Но ведь диссиденты – они предсказывать не могут, – не отставал Олег.

– Не знаю я, – недовольно произнес парень, – ты лучше выпей.

Олег через силу опорожнил стакан.

– Я и сам задумывался, – неохотно произнес Валентин, – кого там держат и за что, но никто толком ничего не знает, городских там почти нет, разве только Комар.

– Что за Комар?

– Да есть алкаш один, – парень неопределенно мотнул головой, – работает в Монастыре вроде санитаром, тут с ним недавно один случай произошел, – и Валентин стал излагать историю про поиски клада в горстатистике.

Олег слушал с нарастающим интересом.

– ... вот они и обрушили люстру на головы ментам, а клад-то рядом лежал, – закончил Валентин свое повествование.

– А может, клада и не было? – недоверчиво спросил Олег.

– Был! – крикнул Валентин. – Братуха мой в горотделе работает, он сам видел!

– Д-да, – протянул Олег, – не думал я, что в вашей дыре такое может случиться.

– Ды-ре! – презрительно сказал парень. – Сам ты дыра! Тут, знаешь, такое случается, чего и в столицах не бывает, – он обиженно замолчал.

Такой оборот не устраивал Олега. И хотя в голове у него уже шумело, он предложил продолжить.

– «Я сначала был не пьян, возразил два раза я...» – снова двинул цитату Валентин, – что ж, продолжить можно. Клевый ты мужик, учитель.

И продолжили. Дальнейшее Олег помнил плохо. Еще одна бутылка... Потом какие-то новые лица. Снова пили. Пьяные поцелуи, объяснения в любви. При упоминании о Монастыре разговоры как-то сникали, люди подбирались, алкогольный кураж пропадал. Уже совсем пьяный Олег выделил среди калейдоскопа пьяных харь новое лицо, испитое, злое.

– Это он, Комар, – сказал в ухо его новый приятель Валентин, – он все знает про Монастырь.

– Старик, – бросился к нему Олег, – тебя-то мне и надо, мне так надо тебя...

– Зачем? – спросил Комар.

– Я хочу тебя спросить...

– Ну-ну, – подбодрил Комар.

– Нет, ты сначала выпей.

– Это можно, – согласился тот.

– Старик, – продолжал пьяный учитель, – там у вас в Монастыре должен быть один человек, человек один...

– Там много народу, – неопределенно отметил Комар.

– Человек очень интересный, Авель...

– Немой Авель?

– Ну пророк!

– Пророк? – переспросил Комар.

– Да, – Олег сквозь пьяный туман вглядывался в костистое лицо, – он может предсказывать разные события, ну и так...

– Ты почему не пьешь? – строго спросил костистый. – Ну-ка выпей, а то и говорить не о чем.

Олег покорно выпил. Что было дальше, он начисто забыл.

На другое утро Олег едва продрал глаза. За окном слышался несмолкаемый шум дождя, ненастье продолжалось.

Голова гудела, во рту было гадко, хотелось умереть. Он кое-как приподнялся. Хмель еще не вышел, и Олег вновь откинулся навзничь. Вторично его разбудила старуха хозяйка. Она не глядя сунула ему стакан. Олег жадно припал к нему, поняв, что пьет холодный огуречный рассол. Невероятное блаженство ощутил он, благодарно посмотрел на старуху.

– На-ка вот, – старуха сунула ему маленький граненый стаканчик.

Олег понюхал, и его передернуло.

– Пей! – повелительно сказала старуха.

Кривясь, Олег выпил. Старуха снова сунула стакан с рассолом.

– Плохо начинаешь, – констатировала бабка, – с кем связался... А еще учитель. Что люди скажут? У нас так нельзя! – она недовольно крякнула и вышла.

Олег продолжал лежать. После старухино стакана стало полегче, но муки совести жгли хуже похмелья. Одно утешило: он вроде бы нащупал ниточку, ведущую к Монастырю. Этот Комар, видимо, что-то знает. Надо бы продолжить с ним знакомство, но как? Все тем же способом: стакан в руки и вперед... Олега передернуло. По голове будто ударили кувалдой. И все-таки игра стоит свеч.

* * *

– Ты знаешь, Степа, интерес к нашей фирме возрастает, – Ситников задумчиво разглядывал своего заместителя.

Разговор происходил в уже знакомом кабинете. Козопасов внимательно посмотрел на своего шефа. Он сидел, развалившись в одном из кресел, и совсем не напоминал того забитого подбострастного холуя, каким предстал перед Караваевым. Напротив, чувствовалось, что хозяин кабинета находится на равной ноге с ним.

– Этого дурака первого секретаря мы нейтрализовали, хотя он не представлял опасности. Так, покуражились. Показали придурку, что он придурок.

– Придурку этого не покажешь, – возразил Козопасов.

– Ты прав, конечно, но все же...

– Мне с самого начала не нравилась эта затея, – недовольно сообщил Козопасов. – Нечего было ставить в известность власти.

– Но дети... – возразил Ситников.

– Можно было сделать все тихо. И этих идиотов ни о чем не оповещать. И все было бы тип-топ.

– Однако что сделано, то сделано, – констатировал главврач. – Так вот, – продолжал он, – вчера мне стало известно, что нами интересуется новое лицо – учитель из этой несчастной школы. Молодой совсем парень, только что распределился в Тихореченск. Он, видимо, был свидетелем катастрофы, а отсюда и законное любопытство. Ум молодой, пытливый... Короче, он попытался установить контакт с Комаром. Правда, был пьян, но интерес высказывал неподдельный. И знаешь, как называл нашего прорицателя? Авель!

– Грамотный нынче народ пошел, – отозвался Козопасов.

– Вот именно! Я навел справки. Парень этот – историк, кончил университет. Так что немудрено, что он знает, кто такой Авель.

– Ну и черт с ним, – резюмировал Козопасов. – Интересуется и пускай интересуется, нам-то что?

– У меня созрел один план, – задумчиво сказал Ситников, – с пареньком этим можно очень интересную комбинацию провести. Все равно он не успокоится. А раз так, то используем его в своих целях.

– Не нравится мне все происходящее, – хмуро произнес Козопасов, – приказано стеречь, ну и надо стеречь. Самодеятельность до добра не доведет. И алкоголик этот, Комар... Тоже зря мы с ним связались.

– Он болтать не будет, – возразил Ситников.

– Согласен, не будет, но он, дурак, чуть не подвел нас с этим кладом. Слава богу, обошлось.

– Но хотелось бы проверить способности нашего пациента.

– Что ж, – неопределенно сказал Козопасов, – вам виднее, конечно, здешних властей можно не опасаться, это так – мелкая сошка, но вы недооцениваете этого кагэбэшника Разумовского. Он вовсе не глуп. И, думается, приставлен надзирать за нами.

– Вполне возможно, – отозвался Ситников, – вот для этого я и хочу вовлечь в дело паренька, как там его звать, – он заглянул в перекидной календарь, – Олег Тузов. Очень хорошо. Мальчонка нам пригодится.

* * *

Целый день провалился в постели молодой учитель. Погода была по-прежнему мерзкой, дождь лил как из ведра, заставляя вспомнить о всемирном потопе.

«Как хорошо, – думал Олег, – что нет занятий».

Он валялся в постели под сонное бормотание дождя и размышлял: «Нет, безусловно, интересно». Не предполагал он, что в наше время существует нечто подобное. Однако какая-то опасность, казалось, витала над этим делом. Что породило ее? Упоминание о диссидентах, сообщение, что Монастырь – секретный объект?.. Трудно сказать. Однако опасность, несомненно, присутствовала. Так прошел день. А на следующее утро Олег услышал, как в дом кто-то постучал.

– Спит он, – недовольно сказала старуха хозяйка.

– Какой спит, уже день давно! Пропусти, старая!

– Не пущу! – кричала хозяйка. – Нечего парня с пути сбивать. Знаю я вас, нажраться за чужой счет норовите!..

Олег узнал голос Валентина, нехотя поднялся, надел брюки, прошел к двери.

– Кто там? – спросил он.

– Олешка, – откликнулся новый приятель, – легок на помине.

– Не пущу, – артачилась хозяйка, – шел бы ты, Валька...

– Ну мать... – знаток и почитатель Высоцкого был настойчив.

– Пускай заходит, – откликнулся Олег.

– Заходит, – бурчала старуха, – он-то зайдет, да ты, милочка, как бы не вышел.

Но парня пропустила.

– Ну, братуха, – сказал Валентин, – хозяйка-то у тебя чистый цербер!

– Слова какие знаешь, – откликнулся Олег.

– А что, и мы кой-чего читали, ну да ладно, не в этом дело, барон, не в этом дело...

Собирайся, нас ждут.

– Куда? – закричала хозяйка, подслушивающая у двери.

– Куда надо, – грубо отозвался Валентин, – тебя, старая зараза, не спросили. Ты, помнится, хотел познакомиться с Комаром? – осведомился он.

– Но мы вроде познакомились, – неуверенно сказал Олег, вспоминая злополучный день.

– Познакомились, да не очень, – заявил парень. – Давай собирайся, он ждет тебя.

– С Комаровым?! – завопила хозяйка. – Ну ты и дружков себе подбираешь. Так недолго и до греха.

– До греха недолго. Это точно, – хмыкнул Валентин, – заткнись, старая лярва.

– Ну и ну, – промолвила старуха, – не туда вы шагаете, товарищ учитель!

Но Олег не слушал хозяйку. Слова парня о том, что его ждет Комар, пробудили в душе сладкое чувство опасности.

– Понравился ты ему, – доверительно сообщил Валентин, – где, говорит, учитель?

Олег неуверенно кивнул.

– Беги за ним, говорит, – продолжал Валентин, – душа требует общения с интеллигентом.

Они шли по раскисшей от дождя улице. Желтые потеки глины, мокрые кучи золы, почерневшие заборы – все, казалось, говорило: ну куда ты прешься, вернись, забейся в свою каморку. Тоскливо было на улице, но Олег не обращал внимания на знаки, расставленные судьбой.

– Ну вот и пришли, – сообщил Валентин, останавливаясь перед деревянным домишкой, ушедшим в землю по самые окна. Он толкнул калитку, потом дверь в дом, и шедший за ним Олег очутился в странном месте.

Обстановка в комнате, куда он попал, представляла собой странную смесь музея и притона. Просторная горница была уставлена разнокалиберной мебелью, которой было так много, что с трудом можно было повернуться. Здесь стоял пузатый старинный комод, судя по формам, вышедший из-под рук хорошего мастера, но выкрашенный почему-то желтой краской. Ломберный столик с гнутыми ножками соседствовал с шифоньером базарной работы. Половину одной из стен комнаты занимала печь-голландка, украшенная голубыми антикварными изразцами. Кое-где древние плитки отлетели, и пустоты были заполнены небрежно прилипавшим современным кафелем. В красном углу находился большой иконостас, перед которым теплилась лампадка, но тут же на стенах были наклеены вырезанные из зарубежных журналов фотографии полуголых красоток. На здоровенной, тоже старинной кровати, на несвежих скомканных простынях лежал человек. Он, казалось, спал. Олег узнал в нем давешнего знакомого, представленного как Комар.

Валентин кашлянул, человек открыл глаза и посмотрел на вошедших.

– Вот привел, – почтительно сказал парень и показал рукой на Олега.

– Молодец, – одобрил Комар, – садитесь, ребята.

Олег нерешительно топтался, не зная, куда сесть: на нескольких стульях были в беспорядке раскиданы предметы мужского и женского туалета.

– Да сбрось барахло, учитель, – сказал Комар, увидя его замешательство, – а ты чего стоишь, – покосился он на Валентина, – не первый раз.

– Чего рассиживаться, – откликнулся тот, – магазины уже открылись.

– Открылись, говоришь, ну что ж, сгоняй, купи портвешка.

Валька выразительно похлопал себя по карману: пусто, мол.

– На-ка вот... – Комар протянул парню пятерку, которую выудил из кармана мятых брюк, – пулей!

«Опять пить», – тоскливо подумал Олег, и тоска, видимо, отразилась на его лице, потому что Комар внимательно посмотрел на него:

– Чего кривишься?

– Интересно тут у вас, мебель старинная... – не отвечая на вопрос, протянул Олег.

– Это бабы моей дом, – пояснил Комар, – ей от стариков достался, старины здесь хватает, только трухлявое все, за что ни возьмешься, все гниль.

– Ну почему же, – возразил Олег, – тут есть очень интересные вещи, вот столик, например, – ампир, начало прошлого века.

Комар с интересом посмотрел на своего гостя:

– Ты, видать, разбираешься, ценный, говоришь, а сколько он может стоить?

– Ну, вещь на любителя, – уклонился от конкретного ответа Олег, потому что и сам не знал, сколько он может стоять.

– Примерно? – не отставал Комар.

– Рублей пятьсот, наверное, а может, и больше.

– Пятьсот, – удивленно произнес Комар, – а я хотел на помойку выкинуть. Так ты понимаешь в старине?

– Немного, – скромно сообщил Олег, – я по специальности историк.

– Историк, – уважительно протянул Комар. – Кому его продать можно?

– Мало ли, – Олег скорчил неопределенную гримасу, – сейчас на такие вещи мода, в областном центре есть любители, но в основном, конечно, в столице. Те, если узнают, что где-то есть ценные вещи, сами приедут.

– Да ну! – не поверил Комар. – Из-за какого-то старья припрутся в эту глушь?

– Точно, – подтвердил Олег, припоминая слышанные разговоры.

– И ты можешь меня свести с покупателями? – с интересом спросил Комар.

– В принципе, да. Или вот изразцы, – Олег кивнул головой на голландку, – каждый не меньше тройка стоит, а то и пятерку. – Он поднялся со стула и внимательно стал разглядывать плитки, украшавшие печь. На них были изображены голландские мельницы, корабли под парусами, женщины в цепях.

– Да и иконы у вас хорошие, – заметил он, переводя взгляд на иконостас.

– Иконы нельзя, – досадливо произнес Комар, – баба за них удушит. Смотри-ка, с тобой есть о чем поговорить, да и дело вроде сделать можно. – До этого он сидел на кровати, внимательно слушая, что ему рассказывает Олег, теперь же поднялся, надел брюки. – Пойду умоюсь, – сообщил он и вышел из комнаты.

«Вроде и здесь контакты налаживаются», – размышлял Олег, продолжая осматриваться по сторонам. В комнате было действительно много интересных вещей. Вошел Комар, на ходу утираясь полотенцем. Он начал прибирать одежду, раскиданную по стульям.

– Баба, зараза, ушла на работу, – не то возмущаясь, не то оправдываясь, бормотал он. – Тебя вроде Олегом звать?

– Точно, а вас? А то неудобно...

– Комаром все зовут, а вообще-то нарекли Пантелеем. И давай не выкай. Ты вчерась Монастырем интересовался, – перевел он разговор, – зачем тебе о нем знать?

– Да так, просто любопытно, – сказал Олег.

– Темнишь, – насмешливо произнес Комар, – в прошлый раз откровеннее был. Правда, в тот раз был «под балдой». Все про Авеля какого-то лепетал.

– Я так понял, – сказал Олег, – что Монастырь ваш – особая психиатрическая больница?

– Точно, – подтвердил Комар.

– И что там находится человек, способный предсказывать будущее?

Комар отвел глаза в сторону. Он подошел к печке и стал ковырять пальцем плитки:

– Пятерку, говоришь, каждая стоит, а их тут сотни две. Ну где этот черт? – он досадливо покосился на дверь. – За смертью его посылать...

Олег не торопил собеседника, молча смотрел в окно, понимая, что разговор только начинается. За окном промелькнул силуэт Валентина, хлопнула калитка.

– Ты при нем особенно не болтай, – тихо сказал Комар, – сейчас малость выпьем, потом я его спроважу, тогда и поговорим. Ну наконец-то, – недовольно бросил он вошедшему парню.

– Да Людка товар принимала, – стал оправдываться тот.

– Ладно, садись, сейчас я закусь принесу.

Где-то через полчаса Комар бесцеремонно вытолкнул Валентина за порог.

– Надоел, – презрительно произнес он. – Туп как пробка, какой от него толк? Так, на подхвате. Сбегай туда, принеси то... Ладно. Давай-ка еще по стаканчику. Ты вот интересу-

ешься Монастырем, а чего там забыл? Стоит ли связываться? Вон в этом хламе шурупишь, – он кивнул на ломберный столик... – Тут в нашем городишке знаешь сколько хлама? В каждом доме есть. Вот и занимайся. И я бы тебе помог. А «бабки» пополам, а? – Он выжидательно покосился на Олега. – Чего молчишь? Ты даже и не представляешь, куда лезешь. Ну ладно, давай! – он легонько стукнул своим стаканом по стакану Олега.

– И все же, Пантелей, я бы хотел узнать кое-какие подробности о Монастыре.

– О Монастыре? – переспросил Комар, он внимательно, но как-то отстраненно посмотрел на Олега. – Ну что ж, коли обещал, то расскажу, однако потом не обижайся.

– За что я должен обижаться? – спросил Олег.

– Ну, мало ли... – уклончиво сказал Комар. – Всякое может случиться, место-то секретное. Да и я порядок нарушаю. Вообще рассказывать что-либо о больничке запрещено, я даже подписку давал...

– Вот вы, говорите, единственный, кто работает там из городских.

– Точно, – подтвердил Комар.

– Почему именно вы?

– Да не выкай, я же просил... – досадливо поморщился Комар, – так уж получилось, рекомендовало меня, – Комар снова налил себе, – одно учреждение. Не спрашивай, какое.

– Тот человек, который может предсказывать, он кто?

– Да кто его знает, человек и человек...

– Он молод?

– Лет пятьдесят, наверное, может, больше.

– А как его фамилия?

– Зовут его Владимир Сергеевич, а вот фамилии не знаю. Обычный в общем-то человек, самый простецкий на вид. И добродушный, всегда поздоровается, поговорит о том о сем...

– Так он действительно психически болен?

– Ты понимаешь, – понизил голос Комар, – там ведь не только психи лежат, не похож он на психа, хотя странность в нем есть. Болтают, он чуть ли не в Кремле жил.

– Ну и о чем ты с ним говоришь?

– О чем говоришь... Нам с больными разговаривать запрещено. Так, перекинешься парой слов...

– А откуда тогда ты знаешь, что он может предсказывать?

– Говорят... – неопределенно пробормотал Комар и опять забулькал бутылкой. Выпил, вытер губы, надкусил помидор. По губам и подбородку потек сок. Он о чем-то задумался, потом посмотрел на Олега: – Раз он меня попросил записку передать одному человеку в городке так, чтоб начальство не узнало. Хорошо так попросил, вежливо. Ну, я передал. Он потом мне говорит: «Чем тебя отблагодарить?» – «Да чем, – отвечаю, – денег у вас все равно нет».

«А тебе денег нужно?»

«Да не помешали бы», – отвечаю.

«Хочешь клад найти?»

Я глаза на него вытаращил, не знаю, что и сказать.

«Это можно устроить, – говорит, – тут в вашем городке полно кладов».

«А вы откуда знаете?»

«Да уж знаю. Ты не сомневайся», – и давай мне объяснять, что и как. Слушаю я его внимательно, а сам думаю: дурачит или на самом деле чокнутый?

«Да не чокнутый! – неожиданно говорит он. – Вижу, не веришь, а хочешь, я кое-что из твоей жизни напомним», – и такие вещи мне рассказал, о которых я и сам забыл. «Я, – говорит, –

даром особым обладаю. Так что иди ищи клад и не сомневайся. А еще лучше сообщи властям, чтоб неприятностей не было, получишь свои двадцать пять процентов».

Но я пожадничал и решил захватить все. Вот и поплатился.

– Нашел клад? – быстро спросил Олег.

Комар вздохнул и насмешливо посмотрел на юношу:

– Если бы нашел, разве сидел бы я в этой дыре?

– Так, значит, обманул? Никакой он не прорицатель?

– И опять неверно. Клад был там, куда он указал, только нам, то есть мне, – поправился он, – помешали. Не сумел я его взять. И клад не достался, и в дерьмо вляпался, – опять вздохнул он. – Ну, ничего, он мне обещал еще один указать. Надо думать, не соврет. Да и зачем ему врать? – Комар перевел дух и посмотрел на Олега. – Как думаешь, правду он сказал?

– Может, и правду: все это настолько необычно, не знаю, что и ответить. А не можешь мне устроить встречу с этим Владимиром Сергеевичем?

– Тоже хочешь разбогатеть?

– Дело в том, что когда я учился в университете, то вел научную работу, в которой исследовал роль личностей, подобных вашему знакомому, в истории России. Даже диплом писал на эту тему (это он соврал). На Руси всегда было много подобных личностей. Например, Авельмонах... Я еще в прошлый раз все его вспоминал. Так вот мне бы очень хотелось лично познакомиться с кем-нибудь подобным.

– Для науки, значит, надо? – задумчиво спросил Комар. Олег молча кивнул. – Для науки можно, – неожиданно повеселев, сообщил Комар. – Но уговор: я тебе встречу организую, а ты мне с этой рухлядью поможешь. Загнать ее то есть. Поможешь?

– Постараюсь, – Олег прикинул свои возможности, – наверное, помогу.

– Ты уж постарайся!

– Да на кой тебе этот хлам, когда ты все равно разбогатеешь, клад-то, считай, у тебя в кармане?

– Ничего, – твердо сказал Комар, – клад кладом, я уже однажды на этом кладоискательстве обжегся. Знаешь пословицу про журавля в небе?..

– Можешь не сомневаться, с мебелью я тебе помогу. Ну, а в Монастырь когда?

– Сегодня у меня выходной, мы, санитары, по двенадцать часов работаем, я-то местный, а остальные из областного центра сюда ездят. Неделю, скажем, здесь, неделю дома. Короче, завтра мне на работу. Я выясню, что и как, потом дам тебе знать. Все будет нормально, не сомневайся, организую в лучшем виде.

Поговорили еще о том о сем, и Олег стал прощаться. Хозяин не задерживал. И напоследок еще раз подтвердил свою готовность помочь ему ради науки.

Олег почти бежал домой, не замечая ни дождя, ни слякоти. «Все устроилось, – радостно думал он, – вот как оказалось просто. Умею я все-таки контактировать с людьми». Уже дома, лежа в натопленной комнате, он, вспоминая разговор с Комаром, неожиданно засомневался в успехе дела: уж больно быстро все получилось. «Подведет, несомненно подведет, – с досадой думал он. – Хотя... Нет, чего загадывать, надо ждать».

Прошло два дня. Сентябрь подходил к концу. Дожди кончились, заметно похолодало, по утрам на траве лежал иней. Учителя все так же собирались на оперативки к развалинам школы, но чувствовалось, что терпению людей приходит конец. Директор уже не сообщал подробностей о выделении нового здания. Он, казалось, и сам разуверился в этом. Людей на утренних сходах становилось все меньше. Олег по привычке продолжал посещать оперативки. Несколько раз он поймал на себе осуждающие взгляды и понял, что причина их – слухи о его экскурсиях по значным местам города Тихореченска. И директор косо посматривал на него, однако ничего не сказал. Да и что тут скажешь. Не зря престарелая географичка в сердцах бросила директору: что же, нам всем по пивным прикажете шляться? Прозрачный намек, однако, не задел Олега.

Ему было не до этого. В душе он радовался, что каникулы продолжаются, и с нетерпением ждал известий от Комара. И они не заставили себя ждать.

На третий день, когда Олег возвращался на свою квартиру после утренней сходки, его кто-то тихо окликнул из подворотни. Он обернулся на голос и увидел Валентина.

– Комар тебя ищет, – вместо приветствия сказал тот. – Сказал, чтоб ты зашел к нему часа в четыре. И чего он с тобой связался? – недоуменно добавил Валентин.

В назначенный срок Олег прибыл в обиталище Комара. Тот был не один. Незнакомый здоровенный детина босяцкого вида присутствовал тут же. Он сонно посмотрел на Олега и равнодушно отвернулся.

– Знакомься, это Виктор, – сказал Олегу Комар. Дитина молча протянул учителю руку. – Завтра, как стемнеет, он будет ждать тебя возле пивнушки, потом доведет тебя до Монастыря и поможет перебраться через стену, а на той стороне тебя встречу я. Все ясно?

– А это не опасно? – спросил Олег. Сомнения одолевали его.

– Я же тебя предупреждал, что всякое может случиться, – насмешливо произнес Комар. Дитина при этом хмыкнул. – Ты, – продолжал Комар, – можешь отказаться, еще не поздно. Тем более что если тебя поймут, то неприятности будут прежде всего у меня. Тебе-то что... ну пожурят, а я наверняка вылечу с работы. Точно, Витек? – Дитина молча кивнул. – Однако я не меньшую в отличие от тебя.

– Хорошо, – сказал Олег, – я приду.

– Ну и ладненько, – заключил Комар. – Губан, ты все понял? – обратился он к детине. – Паренька этого запомнил? – Тот вновь кивнул. – Ну тогда до встречи.

И они расстались.

Затея нравилась Олегу все меньше и меньше. Придется лезть через стену в обществе какого-то подозрительного человека бандитского вида. Как лезть? Уж не при помощи ли веревочной лестницы? Прямо роман «Граф Монте-Кристо».

Олег был парень спортивный, и штурм монастырских стен его не пугал, но настораживало другое... Создавалось впечатление, что его втягивают в какую-то авантюру. Нет, конечно, инициатор затеи он сам, однако уж больно настойчиво предлагает свои услуги Комар. Может, ему это только кажется? Просто человек пытается заручиться его дружбой в надежде на будущее деловое сотрудничество... А если поймут? Ну что ж, совру что-нибудь... Об этом варианте он старался не думать. На следующее утро директор просто подпрыгивал от радости.

– Поздравляю, товарищи! – закричал он. – С завтрашнего дня занятия возобновляются! Помещение я выбил, – сообщил он, подчеркнув слово «я». – Сегодня необходимо каждому обойти своих учеников, чтобы все явились на занятия. Там, правда, еще не все оборудовано, но уж как-нибудь...

Выяснилось, что под школу отдали помещение клуба завода «Сельхозтехника». У большинства недоуменно вытянулись лица.

– Не надо отчаиваться, – успокаивал директор. – Это все же лучше, чем ничего.

– Такая же халупа, как и наша старая школа, – констатировала географичка, – один клоповник меняем на другой. Городским властям совершенно наплевать на народное образование!

– Тише, тише, – успокаивал ее директор.

Недовольно ворчали и остальные. Один Олег воспринял все безразлично. Он весь был поглощен предстоящей экспедицией в Монастырь. «К тому же, – рассуждал он, – какая разница, где мыкать эти три несчастных года». Тем не менее он почти весь день пробегал, разыскивая своих учеников, которые были ничуть не рады возобновлению занятий.

Домой он пришел часа в четыре, наскоро перекусил и завалился спать, рассудив, что к ночным приключениям надо приступать отдохнувшим.

Едва начало темнеть, как Олег, одевшись по-спортивному, вышел из дома. Хозяйка его сборы встретила неодобрительно, но ничего не сказала. Быстрым шагом заспешил Олег к

назначенному месту и скоро достиг его. Давешнего детины по имени Виктор нигде не было. Олег бесцельно шатался у дверей пивбара, но внутрь не входил, помня об уговоре.

– Здорово, старик! – вдруг услышал он и почувствовал, как кто-то хлопнул его по плечу. Олег быстро обернулся и увидел, что вместо ожидаемого детины перед ним стоит Валентин.

– А, это ты, – разочарованно протянул он.

– А вы, милорд, кого ждете, уж не Комара ли? Чем это сей полупочтенный джентльмен прельстил ваше сердце? «...И где-то в дебрях ресторана гражданина Епифана сбил с пути и панталыку несоветский человек».

– «Ты, Зин, на грубость нарываешься...» – отвечивал ему Олег.

– Почему? – удивился знаток творчества Высоцкого. – Пошли по кружке...

Но в это время из сумрака на них надвинулась какая-то тень.

– Вали отсюда, – изрекла тень, обращаясь к Валентину, и Олег узнал в тени того, кого он с таким нетерпением ждал. Узнал его и Валентин.

– О, Губан! – удивился он еще больше. – Так вот кого ты ждал, – повернулся он к Олегу. – Интересные у вас друзья, товарищ учитель истории. Как бы они вас действительно не впутали в историю. «Так случиться может с каждым, если пьян и мягкотел».

– Ты еще здесь, бык эфиопский? – угрожающе произнес Губан.

– Ухожу, ухожу... «А он все прет, здоровый черт, я вижу: быть беде».

– Поканали, – буркнул Губан Олегу, – ты чего с этим шмыгалом базарил?

– Да он сам привязался, – стал оправдываться Олег.

Но провожатый уже не слушал его, он молча зашагал вперед, видимо, хорошо ориентируясь в потемках. Олег двинулся за ним, стараясь не отставать. Шли довольно долго. Стало совсем темно. Губан достал фонарик и освещал себе путь. Шел он быстро, и Олег едва поспевал за ним.

Осень дышала тем пронзительным холодом, от которого хочется поскорей спрятаться в теплый дом, сесть возле горящей печки и, приоткрыв вьюшку, смотреть, как обгладывает поленья огонь. Небо было усыпано звездами. Такое обилие звезд можно увидеть только осенью и только в темном пустом поле. И хотя Олег был тепло одет, озноб сотрясал его тело. Холод ли был тому причиной или страх прибавлял дрожи, Олег не знал. Однако на душе у него было очень беспокойно. Наконец вдали показалась громада Монастыря, чернеющая на фоне чуть светлого неба.

– Пришли, – шепотом сказал Губан, и от этого хриплого шепота учителю стало совсем не по себе. Еще больше похолодало. Поднялся ветер. Олег с тоской оглянулся на огни Тихореченска. Губан, видимо, почувствовал его состояние. Он закурил и, пустив струю дыма в лицо Олега, насмешливо спросил:

– Что, учитель, заскучал?

– Да нет, – отозвался Олег, – все нормально.

Они стояли, прижавшись к шершавому камню стены. Губан, казалось, чего-то ждал.

– На кой хрен тебе этот Монастырь? – неожиданно спросил он Олега. – Чего ты туда лезешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.